Зиганшин Камиль
Тел.: (3472) 51-05-05, 8 903-31-000-19
E-mail: ziganshin_kamil@mail.ru

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Охотничья повесть.

...Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай...,
Ю. Сотников

ЧАСТЬ I

ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

Под нами величественная панорама безлюдной, дикой местности: медленно проплывают, расчленённые глубокими ущельями и распадками, заснеженные гряды, одна выше другой, межгорные впадины, седловины, порожистые речки, острова посреди них. Там, куда мы летим, особняком возвышается плотная группа скалистых гольцов, заметно выделяющихся на общем фоне.

Пассажиров в вертолете двое: я и мой наставник, удэгеец лет пятидесяти. Невысокий, худощавый, с живыми движениями опытный промысловик располагал к себе с первого взгляда. Сильные руки, испещрённые глубокими трещинками морщин, словно кора старого дерева, и густо перевитые набухшими венами, успокаивающе поглаживают собак. Мороз, ветер, солнце, дым костра дочерна продубили скуластое лицо с клочками реденькой растительности на верхней губе и подбородке. В чёрных с вороным отливом волосах несмелый проблеск седины. Черты лица невыразительны, но лучистые темно-карие глаза, словно магниты, притягивают взор. Впечатление такое, что они все время смеются, радуясь жизни. Глянув в них, и самому хочется улыбнуться. И имя у него приветливое, простое — Лукса.

Мне все еще не верится, что моя давняя мечта исполнилась: я принят на работу в Лазовский госпромхоз штатным охотником и лечу на промысел пушнины над седыми отрогами древнего Сихотэ-Алиня.

Вертолет тем временем вошел в крутой вираж и, сделав два круга, мягко опустился на заснеженную косу. Наши собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателей, спрыгнули на снег, едва открылась дверь, прямо во взбаламученную при посадке искристую пыль. Быстро выгрузили нехитрый багаж. МИ-4 прощально взревел и, обдав нас колким, морозным вихрем, взмыл синеву и вскоре исчез за лесистой грядой.

Мы остались одни в холодном безмолвии. На белой, сверкающей алмазными искорками, пелене ни единого следочка. Возникло ощущение, будто неведомая сила подхватила и перенесла нас на лист чистой бумаги, на котором предстоит написать историю промысловой охоты длиной в сто двадцать дней: с 15 октября 1974 по 15 февраля 1975 годов.

Вокруг громоздились типичные для этих мест крутобокие сопки, ощетинившиеся, словно встревоженные ёжики, мрачными островерхими елями и могучими патлатыми кедрами. Над бурунистым Хором, напротив устья ключа Буге, нависал хребет, резко обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. На его обнажённом гребне торчали причудливые, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни, напоминающие руины старой крепости.

Хор еще не встал и тянулся тяжёлой и холодной, черной лентой, разрывая белоснежную пелену извилистой трещиной. Сквозь прозрачную воду и тонкие хрустальные забереги на галечном дне, местами поросшем длинными, склонёнными течением водорослями, чётко видны пестрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нерестилищу, кетины. Уровень воды в реке за последние дни упал, и часть отнерестившейся рыбы лежала на галечном берегу. Лайки тут же воспользовались возможностью полакомиться. В их довольном урчании слышалось —«Как много рыбы! Райское место!»

Оставшись в преддверии сезона без напарника, Лукса не без колебаний согласился взять меня на свой участок, охватывающий бассейн ключа Буге —левого притока реки Хор. Митчена, деливший с ним радости и невзгоды промысловой жизни в течение многих лет, совсем потерял зрение и перебрался жить к дочери в райцентр – село Переяславка.

Хотя день только начался, Лукса поторапливал. Предстояла большая работа по обустройству места зимовки.

Взбираясь на берег, услышали задорный посвист, который невозможно спутать ни с каким другим лесным звуком, - рябчик. Судя по мелодии, петушок. Старый промысловик едва заметным движением руки остановил меня, а сам, прячась за ствол ели, достал самодельный манок и ответил более глухим переливом курочки. По треску крыльев стало ясно, что рябчик перепорхнул ближе. Лукса опять подсвистел. Хлопки послышались совсем рядом. Приглядевшись, я наконец разглядел его. Вытянув шею и нетерпеливо переступая, он напряженно высматривал подружку.

— Живой, — радостно прошептал Лукса. – Четвертый сезон вот так. Совсем свой стал. Встречает.

"Кореш" тем временем перелетел еще ближе и с явным интересом разглядывал нас. Вынырнувший из кустов Пират, не разделяя чувств хозяина, с лаем запрыгал под деревом. Петушок встрепенулся и, спланировав, исчез в чаще леса.

Надо сказать, наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией и нахальными глазами. Индус, напротив, — вялый, тщедушный, привыкший во всем подчиняться ему. Первое время при появлении Пирата он поджимал хвост и услужливо отходил в сторону. Столь же резко они отличались и по окрасу. Пират белый, только кончики подвижных ушей и хвоста черные, а Индус черно-бурый. Попал он в нашу бригаду случайно. Когда мы загружали в неожиданно подвернувшийся вертолет мешки со снаряжением и продуктами, на краю поляны сидел и

смирно наблюдал за нашей беготней одинокий пес. Я на ходу кинул ему кусок хлеба. Он, не жуя, проглотил и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошел к трапу.

- Быстрей садись. Летим, - крикнул Лукса.

Поднявшись в салон, я оглянулся: "Может взять? Вдруг у него талант к охоте?"

- Бери, бери. Пиратке веселее будет, — разрешил сомнения охотник...

Перетаскав вещи к будущему становищу на высокий мыс залива недалеко от устья ключа, занялись дровами. Двуручной пилой свалили сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько душистых чурок. Отвалившиеся куски красноватой, ребристой коры изнутри были усыпаны личинками — недоглядели дятлы за лесным патриархом. Комель кедра был настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, утонуло как камень. Поскольку на ночь кедр не годился — быстро сгорает - напилили еще плотного ясеня. Он горит долго, жарко и дает много углей.

Очистив землю от снега, поставили удэгейскую палатку. Внешне она мало отличается от стандартных четырехместных, но у нее есть еще и матерчатые сени, вроде половинки небольшого чума. В них удобно хранить дрова и капканы. Но главной ее особенностью является то, что она устанавливается не с помощью стоек и растяжек, а крепится внутри каркаса из жердей. Очень удобная конструкция для зимы, когда колышки для растяжек в промерзшую землю забить практически невозможно.

Поставив жестяную печурку, Лукса набил ее чрево кедровыми поленьями, под них подсунул смоляной щепы и запалил её. Жадное пламя охватило сухие поленья и неприютная до того палатка в несколько мгновений наполнилась весёлым треском. Печь на глазах порозовела и начала щедро возвращать солнечное тепло, накопленное деревом за добрую сотню лет.

Жилище прогрелось и наполнилось жилым духом. Приятно запахло свежей хвоей. Расстелили кабаньи шкуры, спальные мешки. Отпиленную от ясеня низенькую, но увесистую чурку пристроили в головах между спальными мешками. Получился удобный столик. Слева и справа от печки уложили сырые ольховые бревнышки, чтобы спальники и одежда не подгорали. Под коньком повесили перекладину с крючьями. И, наконец, неподалёку от палатки между пихтами на высоте около двух метров соорудили из жердей настил для хранения продуктов - лабаз, а под ним шалашики из лапника для собак.

Индус тщательно обследовал обе конуры и лег в ту, что счел удобней. Заслышав приближение убежавшего было Пирата, он тотчас притворился спящим. Но Пират не проявил ни малейшего интереса к теплым пихтовым гнездам. Усевшись возле груды поленьев, он принялся выкусывать кусочки льда, намерзшие между подушечками пальцев.

Завершив первоочередные дела, мы устроились на прибрежной валёжине отдохнуть, расслабиться в лучах заходящего солнца.

Теплый золотистый свет, уходя, плавно скользил по сереющему снегу, темнеющим стволам, ветвям. Поднимаясь все выше и выше, он незаметно выманивал из глухих распадков и ущелий морозную мглу. Ряд за рядом чернели опечаленные деревья, сопки. Вот отгорела макушка самой высокой. Нарождающаяся ночь осмелела, бесшумно выползла из ущелья, укрывая все окрест незаметно густеющим покрывалом, но рассеянный свет упорно просачивался из-за гор. Легкие облака некоторое время еще отражали последние прощальные отблески скрывшегося светила, но и они вскоре погасли. Тайга и небо слились в непроницаемо-угольной тьме. Неясные силуэты деревьев проступали только вблизи, принимая самые фантастические очертания. В воздухе быстро свежело.

Проводив день, мы забрались в теплое, такое уютное после уличной стылости, убежище и устроились пить чай.

— Лукса, а почему ты до сих пор зимовье не поставил? — задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, старый охотник неохотно пробурчал:

- Было зимовье... С Митченой рубили. Летом на рыбалку приплыл — одна зола осталась. Туристы сожгли, елка-моталка. После сезона, как вода спадет, новое поставлю. Место присмотрел. С километр отсюда. Там никто не найдет...

Сам я в недалеком прошлом турист, и мне стало не по себе от услышанного. К сожалению, встречаются даже среди этих романтиков придурки, для которых природа лишь источник удовольствий. Не получив его в достатке, они развлекаются как могут, не задумываясь о последствиях.

После плотного ужина, разморенные жаром печки и горячим чаем, мы повалились на толстые спальные мешки.

По брезентовым скатам палатки уютно перебегали отсветы огня, пробивавшегося сквозь щелки печурки.

- Что-то потно стало. Подними полог, - подал голос Лукса.

Пахнуло прохладной свежестью. Спать расхотелось, и я стал расспрашивать охотника о его лесном племени, обитавшем в самых глухих местах сихотэ-алинской тайги. Трудно поверить, но из-за оторванности от внешнего мира оно еще совсем недавно жило по законам родового строя.

Лукса вынул изо рта короткую трубку, с минуту помолчал, собираясь с мыслями, и неспешно стал вспоминать, глядя на переливчатые угли в печи.

Слушая, я живо представлял картины недавнего и в то же время такого далекого прошлого.

...Крохотное стойбище на берегу порожистой реки Сукпай - с десяток островерхих, крытых корой чумов, прилепившихся к подножью лесистой сопки. На кострах дымятся котлы с похлебкой. Невдалеке женщины отминают, коптят кожи зверей и тайменей. У одной из них в удобной заплечной люльке сладко спит младенец. В чумах, в женской половине,

старухи шьют из уже выделанных кож улы* и одежду. Из бересты ладят посуду. Тут же, на кабаньих и медвежьих шкурах, копошатся карапузы — будущие охотники. Вдоль косы, между навесов с юколой, бегают черные, как воронята, ребятишки. У подошвы сопки старики, ловко орудуя инструментом, мастерят — кто легкие нарты, кто ходкую оморочку** для предстоящих перекочевок. Молодые, сильные мужчины ушли с собаками на охоту, однако не многие вернутся с добычей. Тайга хоть и богата зверьми, да копьем много не добудешь, а для тех нескольких ружей, купленных когда-то у китайских торговцев, давно уж нет боеприпасов.

Зачастую и так немногочисленное племя потрясают опустошающие эпидемии, разбойничьи нападения жестоких хунхузов, межродовая вражда...

*Улы – кожаная обувь с матерчатым запашным голенищем и завязками.

**Оморочка – маленькая долблёная лодочка.

Меж тем негромкий голос Луксы продолжал:

- Как дошла Советская власть, стало легче. Бесплатно дома строили; карабины, патроны, продукты, посуду, инструмент давали. Перед войной хозяйства на Саях и Джанго были. Я в "Красный охотник" на Саях записался.

— Погоди, ты же говорил, что ваш род по Сукпаю кочевал.

— Оттуда я ушел мальчишкой. Через год, как отца с матерью после сильной болезни потерял. Мать шибко любил. Все ее серебряные украшения к ней ложил. Осенью двуногий шатун могилу открыл и всё унес! Однако, как лед сошел, в Тигровой протоке кое-что нашли в карманах утопленника. У меня сохранилось только вот это: Лукса расстегнул ворот рубашки и показал висевшую на шее небольшую серебряную фигурку улыбающегося человека с узкими щелочками глаз и пухлыми щеками. Судя по размеру живота и халату с замысловатыми узорами, человечек этот был далеко де бедный. На его поясе, в углублении, таинственно мерцал бирюзовый камешек, а на спине выгравированы четыре иероглифа.

- Что здесь написано?

- Не знаю. Спрашивал у экспедиции, тоже не знают. Просили дать "китайца" показать ученым. Как дашь? Память! Старший с экспедиции знаки рисовал. Обещал письмо писать, да забыл, пожалуй.

- А сейчас в Саях и Джанго почему не живут?

- Так апосля всех в одно хозяйство собрали, елка-моталка. Ниже Джанго Гвасюги построили. Зачем так делали? Теперь все там в одной куче живем. Как живем - сам видел.

Бесспорно, многое изменилось в жизни удэгейцев, но основные занятия остались прежними. Летом охотники заготавливают панты*, корень женьшеня, элеутерококк, кору бархата амурского, ягоды лимонника, винограда. Осенью и весной ловят рыбу. Зимой промышляют пушнину, диких зверей.

*Панты – неокостеневшие рога изюбря, пятнистого оленя, марала. В пантах заключена большая сила: старикам она возвращает молодость и радость, у больных изгоняет хворь.

Бывалый промысловик, взволнованный воспоминаниями замолчал, курил трубку за трубкой. В палатке слоился сизый дым.

Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясенный.

Взошедшая полная луна озаряла тайгу невообразимо ярким сиянием. Небо не черное, а прозрачно-сиреневое, и на нем не сыскать ни единой звездочки. Кедры вокруг - словно былинные богатыри, В просветах между ними вспыхивали бриллиантовыми искорками крупные снежинки. Река перламутром выливалась из-за поворота и, тускнея, убегала под хребет, заглатывавший ее огромной пастью. Было ощущение, что я попал в сказку!

Позвал Луксу. Он тоже потрясен, и что-то шепчет на своем языке. Притихшие вернулись в палатку, опять пили чай, но, не выдержав, я вновь вышел под открытое небо и долго еще стоял любуясь эдакой неземной красотой. От избытка чувств вонзил в тишину ночи полурев-полустон. Эхо, недовольно откликнувшись, заметалось по распадкам и стихло в сопках.

ТАЕЖНАЯ АЗБУКА

Утром, пока в печке разгорались дрова. Лукса успел одеться, умыться. Подогрев завтрак, он растормошил меня:

- Вставай, охоту проспишь.

Я вылез из спальника, размял затекшие ноги и налил в эмалированную кружку чай.

- Ты умылся? - спросил Лукса.

- Холодно, - поежился я.

- Холодно, холодно, - передразнил он. - Как со вчерашним лицом ходить будешь? Тайга пугаться будет. Соболь уйдет, елка-моталка.

Поневоле пришлось натянуть улы и выйти на мороз. Зачерпнул и обдал лицо студеной водой. От первой пригоршни сжался, как пружина — ох и холодна! Вторую уже не почувствовал, а третья даже вызвала прилив бодрости. Настроение сразу поднялось, захотелось поскорее приняться за дела. Тут на дне ключа я заметил золотистые чешуйки, вымытые водой из кладовой сопок. Интересно, что это за минерал? Подцепил на лезвие ножа одну пластинку и понес Луксе.

- Я не понимаю в них, - простодушно признался он. — Может, это кусочки чешуек ленков.

- На золото смахивает.

- Может и золото. Раньше китайцы мыли его здесь. Такие чешуйки и в соседних ключах есть.

После недолгих сборов Лукса повел учить меня премудростям промысла пушнины.

Мягко ступая, он легко лавировал в густых зарослях: только суконная шапка-накидка мелькала в просветах леса. Мне приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы не отстать. Большое преимущество в росте не выручало. Умение Луксы безошибочно выбирать самый удобный путь в густой чаще просто поражало. И если я пытался самостоятельно найти более короткий и удобный проход, то отставал еще больше.

При ходьбе охотник не расставался со специальным ясеневым посохом, — важной принадлежностью каждого удэгейца-промысловика. Верхний конец посоха широкий, в виде лопаточки. Им пользуются для маскировки капканов снегом. В нижний же, вставлен кривой клык кабарги, прочный и острый, чтобы рулить и тормозить при спуске с крутых склонов.

С остановками миновав пойменный лес, полезли в сопки. В дороге Лукса учил читать следы, определять их свежесть:

- Гладкий, округлый след - у здорового, упитанного соболя, а узкий, неровный — у слабого, худого. У такого и шкурка плохая. Мех редкий, тусклый. У сильного соболя мах прыжков широкий, стежка спокойная, уверенная. В теплую снежную погоду ходит только молодняк, да и то крутится возле гнезда. Соболь шагом не ходит, не трусит, а скачет, становясь на обе лапки одновременно. Бежит обычно двухчеткой: задние лапы точно попадают в след передних. Бывает, что соболя "троят", очень редко "четверят".

- Что такое «четверят»?

- Это значит — одна или обе задние лапы не попадают в след передних. Случается такое во время гона и при скрадывании добычи.

Лукса показывал, как ставить капканы на норку, соболя, колонка. Я старательно впитывал все, что говорил наставник и усвоил, что успех охоты зависит прежде всего от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и от искусства её маскировки.

На излучине реки вспугнули рябчиков. Лукса сбил одного петушка. Птицы с шумом разлетелись в разные стороны. Одна из них спланировала на ель неподалеку от меня. Стараясь прятаться за стволами, я приблизился и выстрелил в неясный контур. Рябчик камнем упал вниз. Подбежав, ничего кроме разбросанных по снегу перьев не нашел.

Обойдя впустую вокруг дерева несколько раз, покричал собак, но тех и след простыл. Удрученный, пустился догонять наставника. Узнав про оставленную дичь, он нахмурился.

- Ой манга*, ой манга. Без пользы пропадать будет! Показывай, где стрелял.

Осмотрев разнесенные ветром перья, Лукса поплевал на палец, поднял его вверх, юркнул в кусты и, немного покопавшись в снегу, вынул убитую птицу.

На протоке встретился свежий след белки.

- На жировку пошла, - отметил Лукса.

- Почему на жировку? Может, наоборот, - предположил я.

Охотник глянул удивленно.

- Ты своей башкой совсем не думаешь. Не видишь - прыжки большие, лапки прямо ставит - легкая пока. Поест — потяжелеет, прыжок короче будет, лапки елочкой начнет ставить.

Сколько же нужно наблюдательности и зоркости, чтобы подмечать все это... Я смущенно молчал. Да и что я, городской житель, мог поведать об этом следе? Только то, что он принадлежит белке.

Под елями кое-где виднелись смолистые чешуйки шишек, выдавая места ее кормежки. Наставник, улыбаясь, спросил:

- Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

- А где она шишку взяла? Как думаешь?

- Как где? На ели.

Лукса покачал головой:

- Эх ты, грамотей! - из-под снега. Чешуйки плотной кучкой лежат. Белка внизу сидела. Когда на дереве сидит, чешуйки широко разбросаны. Чем выше, тем шире.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск сучьев. Мы побежали посмотреть, кто так проворно ретировался, и увидели следы громадных прыжков. Тут же лежка в виде овальной ямки, промятой до земли.

- Чьи следы? - еще раз решил проэкзаменовать меня наставник.

---

* Манга – плохо (удэг.)

- Оленя, - уклончиво ответил я и стал лихорадочно искать глазами помет, чтобы по форме шариков определить, кто здесь отдыхал - лось или изюбр.

- Ты мне голову не морочь. Какой олень, говори, - напирал Лукса.

- Лось.

- Сам ты лось... горбатый! Говорил тебе: сохатый рысью уходит. Этот прыжками ушел. Изюбр был. Еще вот, запоминай, - успокаиваясь, добавил Лукса, - видишь, снег копытами исчиркан. Изюбр так чиркает, лось высоко ноги поднимает - снег не чертит.

Видя, что я совсем скис, ободряюще добавил:

- Не расстраивайся. Это, брат, тебе не книжки читать. Поживешь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

На отлогой седловине пересекли след бурого медведя, тянувшийся к верховьям ключа, в сторону возвышавшегося среди окрестных гор Лысого деда. Округлая вершина этой горы в белых прожилках снега и серых мазках каменистых осыпей была совершенно безлесной, и эта особенность, видимо, определила ее название.

На склонах Лысого деда много крепких мест, пригодных для долгой зимней спячки. Но этот бродяга что-то припозднился: медведи обычно ложатся раньше, под первый снег.

На обратном пути вышли на крутобережье обширного, но не глубокого залива - излюбленного места нереста кеты. Он отделен от реки полосой земли метров в сто-сто пятьдесят, заросшей густым пойменным лесом, сплошь перевитым лианами китайского лимонника и актинидий, но самой реки отсюда не видно.

Я огляделся. На мгновение взгляд задержался на группе деревьев. Не сообразив сразу, что именно привлекло мое внимание, вновь посмотрел на них. Пять могучих ильмов стояли как бы полукругом, обращенным открытой стороной на залив. Перед ними была чистая плешина, в центре которой торчали три потемневших столбика, заостренных кверху. Подойдя ближе, я понял, что это деревянные идолы. Грубо вытесанные, длинные

потрескавшиеся лица равнодушно взирали на тяжёлую речную струю. Я вопросительно взглянул на Луксу.

- Это наши лесные духи. Большой - хозяин, а эти двое - жена и слуга. Хозяин помогает охоте и рыбалке, - тихо пояснил он.

Достав из кармана сухарь, охотник почтительно положил его у ног "хозяина" и спустился к воде. Я задержался, чтобы сделать снимки.

- Ничего не трогал? - не сводя с меня глаз, спросил наставник, когда я догнал его.

- Нет. Сфотографировал только.

- Ладно тогда. Давай рыбу собирать. Рыбы беда как много надо. Собак кормить и на приманку тоже.

Переступая по оледенелым валунам, мы жердями повытаскивали с мелководья тёрки десятка четыре, и сложили в кучу. В них трудно было узнать океанского лосося. Серебристый наряд за долгую дорогу сменился на буро-красный. Челюсти хищно изогнулись и устрашающе поблескивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы еще вяло шевелили плавниками, из последних сил стараясь не завалиться на бок. До последней минуты своей жизни они охраняли нерестилище-терку от прожорливых ленков и хариусов.

Сквозь чистую воду во время нереста хорошо видно, как самка с силой трется о дно, покрытое мелкими камешками. Припав к образовавшемуся углублению, она сжимает и разжимает брюшные мускулы, до тех пор пока лавина лучистых, янтарных икринок не вырвется наружу и не осядет в лунке. Плавающий рядом возбужденный самец выпускает молоки и присыпает оплодотворенную икру галькой. Весной из нее вылупятся крохотные мальки. Окрепнув в горной речке, с холодной, богатой кислородом водой, они скатываются в море. А через несколько лет уже взрослыми вернутся на родное нерестилище. Ничто не сможет остановить их на пути к нему. Настойчивость и сила рыб, поднимающихся даже по двухметровому сливу,

просто восхищает. Отметав икру, лососи погибают, чтобы дать жизнь новому поколению.

- Мало, однако, кеты стало. Раньше два-три слоя на дне лежало. Тысячи на зиму готовили.

- Солили, что ли?

- Как солить - соли мало было. Брюхо и спину вдоль хребта резали и сушили под навесами на ветру.

- А как же летом, когда убивали крупного зверя, мясо сберегали без соли?

- Тоже просто. Чуть варили, чтобы кровь свернулась. Потом резали на пластины и как рыбу вешали.

Пока мы собирали кету, Пират с Индусом носившиеся наперегонки по берегу, обнаружили затаившуюся под выворотнем енотовидную собаку и с лаем выгнали ее из убежища. Она напоминала заурядную дворняжку с короткими ногами: неуклюжая, приземистая, ужасно лохматая. Мех густой и пышный — похож на лисий, но отличается цветом: серо-бурый с желтоватым оттенком. Мордочка короткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Это, пожалуй, самое безропотное и беззащитное создание во всей Сихотэ-Алинской тайге.

Когда мы подошли, енотовидная собака припала к земле, закрыла глаза и притворилась мертвой, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбужденных лаек, мы направились к стану, обсуждая увиденное за день. Радовало, что участок богатый. Бескормицы не ожидалось — звери с мест не стронулись. На пойме немало копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И что важно, много мышей и рябчиков - их основной пищи.

- Рябчик есть - соболю хорошо. Мышь съел – опять ловить надо. А рябца надолго хватает, - объяснил наставник.

- Лукса, а как будем делить участок?

Напарник метнул на меня недоуменный взгляд:

- Зачем делить? Где хочешь ходи, где хочешь лови.

Я был ошарашен таким ответом, думал, что Лукса закрепит за мной определенную часть угодий, но со временем понял, насколько мудрым было его решение. Никто не был стеснен и не считал себя обделенным. Каждый охотился там, где нравилось. Наши тропы часто пересекались, но при этом каждый шел своей дорогой.

Весь следующий день по сопкам с диким посвистом метался шальной ветер, но нас он мало беспокоил. Мы были заняты подготовкой капканов.

Первым делом, чтобы удалить смазку, отожгли их на углях. Затем напильником сгладили заусенцы, чутко подогнали сторожки. Из стальной проволоки сделали на каждый капкан цепочку для крепления "потаска" – обрубка толстой ветки, не позволяющего зверьку далеко уйти. Наскребли с затесов кедров и елей смолы и бросили в ведро с кипящей водой. В этом «бульоне» поочередно проварили все капканы. Когда их вынимали, они покрывались плотной янтарной рубашкой, быстро застывавшей на морозе.

После такой обработки соболя, обладающие тонким нюхом, не слышат запаха железа. Кроме того, перед установкой каждой ловушки Лукса велел натирать руки хвоей пихты, чтобы посторонний запах не остался и не отпугнул чуткого зверька. Почему именно пихтовой? Потому, что ее запах гораздо сильнее и устойчивее, чем у еловой.

К ночи ветер переменился. Звезды скрылись за непроницаемым войлоком туч. Мягко повалил снег. Лукса заметно оживился:

- В снег звери глохнут – совсем близко подойти можно. Мяса запасем, соболя ловить начнем.

Говорит, а сам мой пятизарядный винчестер* все поглаживает, да на руках подкидывает.

- Какой легкий, елка-моталка! Все равно, что моя одностволка. Откуда у тебя такое?

---

* Винчестер – ружье американской фирмы «Винчестер». В данном случае – гладкоствольное, полуавтоматическое пятизарядное ружье 12 калибра 1912 года выпуска.

- Друг совершенно случайно купил во Владивостоке у геолога-пенсионера. В тайге за этот винчестер ему огромные деньги предлагали, но он не расстался с ним.

- Как же тебе дал?

- Он погиб в Якутии. Ружье - память о нем. Удивительный, большой души был человек. Необычайно добрый и талантливый. Я у него многому научился.

- Да, бата**, молния бьет самый высокий кедр, а смерть - хорошего человека.

БЛУЖДАНИЯ

С рассветом снег перешел в дождь. Тайга потонула в промозглой сырости. Встали и без настроения разошлись на поиски добычи. Я побрел по пойме ключа, надеясь отыскать кабанов. Повсюду виднелись волчьи следы. Кстати, гора кеты, сложенная нами вчера на берегу залива, исчезла. На ее месте остался лишь утрамбованный круг. Съеден был даже снег, пропитанный кровью.

Миновав небольшую марь, наконец, наткнулся на кабаньи гнезда и свежие следы, уходящие вверх по увалу. Решил тропить.

Кабаны двигались прямо, не останавливаясь. Потом разбрелись, появились глубокие порои. Я пошел медленнее, осторожно переходя от одного дерева к другому, осматривая каждый кустик, чуть дыша, вслушиваясь в каждый звук. И тут, совершенно некстати, взбрехнул Индус. Невидимый табун переполошился. Донеслось испуганное "чув-чув", и, задрав хвостики, кабаны, мелькнув черными молниями в прогалах, в мгновение ока исчезли, оставив на снегу лишь парящие клубки помета.

В сердцах выругал пса, но он, кажется, ничего не понял. Даже, пожалуй, наоборот, гордился тем, что вовремя предупредил хозяина об опасности и громким лаем прогнал целое стадо свирепых кабанов.

** Бата – сынок, сын (удэг.)

Перебравшись на противоположный берег Буге, направился вверх по течению. Тяжелые непроглядные тучи утюжили макушки сопок. Все вокруг занавесило унылой пеленой мороси. Долина сужалась. Рослый, светлый лес сменился буреломом. Много лет назад здесь пронесся смерч небывалой силы, и тесная долина оказалась заваленной сучкастыми деревьями в несколько ярусов. Поверженные гиганты перегородили путь всему живому. Между ними густым подлеском уже поднялась молодь.

Приходилось буквально продираться, сквозь эти заломы. А там где не удавалось протиснуться в щель, прыгать с одного присыпанного снегом ствола на другой, рискуя напороться на острый сук. Попытался ползти. Но и здесь не легче. Колючий кустарник и лианы опутывают, цепко держат со всех сторон. Колени скользят по обледенелым камням и валежинам. При этом каждый сучок норовит оставить себе клок одежды. Одна упругая ветвь поросли наградила меня такой пощечиной, что свет померк от боли, а из рассеченной скулы брызнула кровь.

Неожиданно долина полезла круто вверх, и я запоздало сообразил, что поднимался не вдоль русла Буге, а его боковым притоком. Возвращаться назад через "баррикады" не было ни сил, ни желания. Решаю перевалить через отрог и спуститься к ключу по следующему распадку. На моё счастье после не большого подъёма заломы кончились. Здесь господствовал кедровый стланик. Вид ровного поля обрадовал меня. Я и не подозревал, что он, в содружестве с можжевельником, образовывает ещё более непроходимые заросли. Кляня всё на свете прорываюсь, наконец, повыше к березкам. Но не тем нежным стройным красавицам, прославленным народом в песнях, а кряжистым, скрюченным карликам с толстыми култышками ветвей. Стояли они молчаливо и угрюмо, вызывая всем своим видом тревожные чувства. Эти деревья трудно было даже назвать березами. Постоянные пронизывающие ветра совершенно изменили их привычный облик.

Передохнув, начинаю спуск по другому распадку и через пару часов оказываюсь на широкой пойме среди родных кедров и елей. Поскольку этот переход меня изрядно измотал, повернул к стану. Иду и смутно чувствую, что не бывал в этих местах. Вроде те же сопки, тот же ключ, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересек долину поперек и остановился в растерянности – моих утренних следов на снегу нет. Тут только я сообразил, что спустился не к Буге, а перевалил хребет и оказался в долине соседнего ключа Туломи.

В замешательстве огляделся. Вокруг стоял глухой, ставший сразу враждебным, лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождик. На мне не осталось ни одной сухой нитки. Слякотно, холодно, голодно. Еды, кроме трех размокших сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Компас остался в палатке. Стало жутко.

Мокрый Индус стоял рядом и, насупившись, наблюдал за мной.

- Индус, домой! Где палатка? Ищи! Ищи...- уговариваю я его, в надежде, что собака укажет верную дорогу.

Пёс же, опустив морду вниз, виновато отворачивается. Похоже, он догадывался чего от него ждут, но, к сожалению, помочь оказался неспособен.

Поразмыслив, я решил, что в этой ситуации мне не остается ничего другого, как спуститься по Туломи к Хору, а там, как говорят, война план покажет.

Ближе к устью ключа пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элеутерококка, то высокие вертлявые кочки, покрытые жесткой, заиндевелой травой, то топкие зыбуны. По ним ступал, замирая от ужаса. Сделаешь неверный шаг - провалишься в "окно" с ледяной жижей. Было ощущение будто идешь по слабо натянутой резиновой пленке: почва при каждом шаге упруго прогибается и далеко вокруг расходятся тяжелые волны, покачивающие тощие "копёнки". Осрамившийся Индус плелся понуро сзади.

Передохнуть негде. Попытался прислониться измученным телом к худосочному стволу, но он затрещал и повалился — слабый грунт не держал. Даже небольшого усилия хватило, чтобы свалить его.

Сразу вспомнились бесконечные глухие заломы на реке Чуи (крупный верхний приток Хора), по которой мы с Юрой Сотниковым сплавлялись несколько лет назад после перехода через водораздел Сихотэ-Алиня с побережья Японского моря. Незадолго до сплава после тайфуна по реке прокатился могучий паводок, нагромоздивший огромные лесины, лохматые выворотни, перекрывшие долину многометровыми валами в несколько ярусов. Полноводная река, будучи не в силах разнести, разорвать переплетения лесных великанов, с рокотом разливалась по всей пойме. Приближаться к завалам на лодке, по чистой свободной от растущих деревьев и кустов, воде опасно, так как стремительное течение тут же тянет под завал и раздавит, истреплет между бревен в клочья. Поэтому шли по затопленной, заросшей лесом пойме пешком с рюкзаками на спинах, лодкой на головах, по колено, а нередко и по пояс в воде, на ощупь выбирая дорогу.

Разбои тянулись шесть километров, но они отняли у нас двое суток.

О, что это был за переход! Сущий ад! Кругом вода. Море воды, но плыть по ней невозможно – лодке не протиснуться между стволов. Земля под водой раскисла и ноги глубоко вязнут. С большим усилием выдираешь их из хляби, но при следующем шаге всё повторяется.

Иногда проваливались в коварные ямы. В этих случаях герметичные рюкзаки выполняли роль заплечных поплавков. Вокруг полчища мошки. Казалось вся окрестная мошкара караулила нас на этом переходе. Её так много, что трудно дышать. Несчетные армады набрасываются и облепляют серым пеплом все доступные участки тела. Проведешь рукой по лицу - с пальцев кровяная кашица комочками отваливается. Шли голодные, грязные, мокрые и опухшие от бесчисленных укусов. Шаг вперед - лодку на себя - рукой по серой маске покрывшей лицо. Шаг вперёд - лодку на себя - рукой

по лицу. И так двое суток! А как “спали” посреди этой топи лучше и не вспоминать!

В общем, без паники, Камиль! И не из таких переделок выходили!

Собравшись с силами, выбрался на гривку и увидел длинную кисть с пятью огненно-красными рубинами ягод, свисавшую с коричневого гибкого побега с шелушащейся корой. Это были ягоды лимонника. Съев их, я вскоре почувствовал прилив сил, но, к сожалению, ненадолго. Уже через километр опять потянуло лечь. Эх, найти бы несколько таких кистей! Говорят, что горсть ягод лимонника дает силы весь день гнать зверя. Дальше лианы лимонника стали попадаться чаще, но ягод на них не было. Птицы склевали все до единой.

С тоской пошарив в пустых карманах, я в который раз за сегодняшний день вспомнил поговорку "идешь на день, бери на три". И дал себе зарок на будущее всегда носить запас еды, а спички заворачивать в полиэтиленовый мешочек.

К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Верхняя одежда быстро превратилась в ледяной панцирь. Каждый шаг теперь сопровождался хрустом штанов и куртки. Выйдя на коренной берег Хора, с облегчением вздохнул и даже несколько раз притопнул ногой по твердой почве, убеждаясь, что топь действительно кончилась.

Последние километры брёл как во сне. Чувства притупились, мысли спутались. Их неясные обрывки блуждали в голове, и только одна, точно боль, не давала покоя: «Что скажет Лукса, не пошел ли он на поиски».

Я боялся, что он упрекнет при встрече: "Однако тебе в тайгу без проводника нельзя". Но и тут ошибся. Лукса или был уверен во мне, или просто привык за долгую охотничью жизнь к подобным задержкам, но, когда я ввалился в палатку и в полном изнеможении упал на спальник, он только пробурчал, пыхнув трубкой:

- Что так долго ходишь, все остыло.

В тепле мной овладело единственное желание: лежать и ни о чем не думать. Было обидно, что столько сил истрачено впустую из-за моей невнимательности.

Пройдет время, и я научусь довольно свободно определяться на местности, по какому-то внутреннему, дремавшему до поры чувству ориентации. Этот древний, но утраченный людьми инстинкт возможно сродни способности птиц возвращаться после зимовки точно к своему родному гнезду. Для пробуждения и развития этой способности человеку необходимы соответствующая обстановка и практика. При этом уверенно ориентироваться в тайге может научиться далеко не каждый. Тут важно иметь еще хорошую зрительную память, позволяющую запоминать рельеф местности и развитое пространственное воображение.

Выпив шесть кружек чая, но так и не утолив жажду, я несколько ожил и, оглядевшись, заметил висевшие на перекладине шкурки белок.

- Лукса, поздравляю! У тебя сегодня удачный день!

- Не больно, только белок подстрелил. Смотри, уже выходные - мех зимний, мездра спелая. Белка линяет последней, значит, соболя тоже созрели, - ответил промысловик и продолжил прерванное занятие - надувать очищенный зоб рябчика. Получился легкий полупрозрачный шарик. Завязав его, повесил рядом со шкурками.

- Для чего он тебе?

- Внукам игрушка. Побольше готовить надо. Внуков беда как много. Всегда на Новый год полную коробку везу.

ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА

Разбудил ритмичный стук. Я выглянул из палатки и присвистнул от удивления: в полушаге от входа побирушка сойка остервенело терзала беличью тушку. На мое появление она никак не отреагировала. Доклевала

находку, бесцеремонно оглядела меня черным глазом и горделиво поскакала дальше, выискивая, чем бы еще поживиться.

Судя по тому, что чай был чуть теплый, Лукса ушел давно. Я оделся и выбрался из жилища. Денек - чудо! Все пропитано солнцем. В лесу возобновилась хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанит труженик-дятел, в пух и прах разбивая старуху ель. Звонкими, чистыми голосками перекликаются синицы. Задорно посвистывают рябчики. Изредка пронзительно и хрипло кричит таежная сплетница - сойка.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступами, плывут льдины, припорошенные белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом. Идти на охоту было поздно, да и обессилил после вчерашних блужданий. Поэтому спустился к реке и насторожил поблизости под берегом несколько ловушек.

Лукса вскоре вернулся довольный. Еще бы! - Убил чушку буквально в полукилометре от стана. Гордо извлек из рюкзака увесистый шмат мяса, печень и сердце. Задабривая покровителя охотников, он отрезал сочный кусочек мякоти и бросил в огонь:

- Спасибо, Пудзя, хорошая чушка.

Перекусив, пошли за остатками свиньи. Жирненькая! Слой сала в два пальца толщиной.

- Кабаньим жиром улы хорошо смазывать. Не промокают в сырую погоду. Одно плохо - сильно скользят по снегу, - наставлял в дороге Лукса.

Сумерки быстро сгущались, и, незаметно подкравшись, тьма обступила нас со всех сторон. Небо затянуло тучами. Мохнатые снежинки закружились в воздухе как бабочки: то взлетали, то опускались, гоняясь друг за дружкой. Затарившись поспешили в лагерь.

В этот вечер у нас был настоящий таёжный ужин. Сварили полный котел мяса, мелко нарезали и поджарили сердце, печень и, довольные удачным началом сезона, пировали, беседовали на самые разные темы. Намолчавшись

за день в тайге, Лукса любил донимать меня неожиданными вопросами. Он во всём пытался докопаться до самой сути и нередко ставил меня в тупик:

- Солнце у нас одно, но почему утром оно светит плохо, а днем так сильно, что и смотреть нельзя? - или же — Отчего каменеют рога? Они же вырастают мягкими и ест олень мягкую траву, а к гону рога становятся как камень.

Я, используя свои книжные познания, как мог объяснял:

- Верно, молодые рога – панты, мягкие, пронизаны массой кровеносных сосудов и нервов, сверху покрыты кожицей с густой бархатистой шерсткой.

- От мошки защищает, - вставил Лукса.

- Когда панты вырастают в полную величину, в их тканях происходят сложные солевые процессы. Проще говоря, начинается окостенение. Начинается оно с самых кончиков отростков, с поверхностного слоя и постепенно переходит все ниже и глубже. Кожица отмирает и, как ты сам рассказывал, олени счищают её о стволы деревьев. После отрастания рогов пантачи часто посещают солонцы — организм требует восполнения запасов солей. А теперь, Лукса, ты мне ответь - кто из зверей самый крепкий на рану?

- Ишь как извернулся!.. Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбр. Медведь и кабан между ними. Сохатый даже с пробитым сердцем может бежать. Он от охотника не так уж быстро уходит – силы бережёт. В сопку идет не прямо, а как река петляет. Изюбр - дурак. Горяч. Раненый прыжками уходит, всегда прямо вверх. На рану он совсем слабый - даже с мелкашки свалить можно. Один раз у меня так было: собака загнала изюбра на отстой. Подбежал, смотрю наверх, ничего не вижу — пихта мешает. Стрельнул, да в спешке не переключил с "мелкашки" на "жакан". Слышу: копыта по камням защелкали. Обида взяла — уходит рогач, ёлка-моталка. Бросился догонять, а изюбр сам мне навстречу идёт. Не успел второй раз стрельнуть, как он грохнулся на камни мертвый.

— Всякого такого, наверное, с тобой много бывало, расскажи, Лукса, что-нибудь еще.

— Это можно, - добродушно согласился промысловик. Прихлебывая из кружки чай, заваренный на обрезках лиан лимонника, он допоздна вспоминал случаи из своей охотничьей жизни; рассказывал о повадках зверей, о тонкостях их промысла. Наконец, я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

- Лукса, а тигр или волки на нас не нападут?

- Зверь не глупый. Ему плохо не делаешь - он не трогает.

- Но случается же, что хищные звери нападают на человека.

- Неправда! Сказки это. Нападает когда защищаться надо. Что, колонок или норка опасные звери? Но и они, если бежать некуда, могут броситься на тебя. Однако один хуза в тайге есть — шатун. Очень ненадежный зверь, ёлка-моталка. Он может напасть.

В лесу, после ночного снегопада, никаких следов. Лишь снежные "бомбы", сорвавшиеся с ветвей, успели кое-где испятнать бугристыми воронками пухлое одеяло.

Разошлись рано, хотя можно было и не ходить — капканы лучше ставить на второй-третий день после снегопада. За это время зверьки наследят, и сразу видно, где постоянные, излюбленные проходы, а где случайный след.

Откопал, проверил старые капканы. В два попались мышки, Лукса говорит, что я слишком чутко настраиваю сторожок и поэтому он срабатывает от веса даже таких крохотных грызунов. У одного шалашика с приманкой норка пробежала прямо возле лаза, но в него даже не заглянула — сытая. В тайге нынче все благоденствуют. Бедствуют только охотники.

Лукса весь день гонял косуль. Дважды ему удавалось приблизиться на выстрел, но оба раза пуля рикошетила о насквозь промерзший подлесок.

- Косулю хорошо с собакой гонять,- сетовал бывалый промысловик,— она круг делает и на то же место выбегает. Тут ее и бей.

- Чего ж тогда Пирата не взял?

- Он дурак! Только по зрячему идет. Встретит другой след, отвлекается и уходит по нему до следующего.

УРАГАН

Седьмое ноября! По всей стране торжества, а у нас обычный трудовой день. Я нарубил приманки и пошел бить новый путик по пойме Хора, но вскоре пришлось вернуться, чтобы надеть окамусованные* лыжи. Из-за выпавшего снега пешком ходить стало невозможно.

Если бы таежники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, то они наверняка поставили бы ему памятник. Короткие, жесткие волосы камуса надежно держат даже на самых крутых склонах. При хорошем камусе скорее снег сойдет со склона, чем лыжи поедут назад. Правда ходить на таких лыжах без привычки неловко, надо иметь определенный навык. Поначалу я тоже шел тяжело, неуклюже.

Порой приходится читать в книгах «охотник, лихо скатившись с сопки, помчался к зимовью». Хочется верить, что где-то это и возможно, но только не в сихотэ-алинских дебрях. Попробуй скатись, когда выстроились один за другим кедры, ели, пихты, ясени, а промежутки между ними затянуты густым подлеском, переплетены лианами.

За ключом, на вздымающемся к востоку обширном нагорье, появились миниатюрные следочки кабарги - самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящный отпечаток маленьких копытец четко прорисовывался на снегу. Кабарга испетляла всю округу в поисках своего любимого лакомства - длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Лукса рассказывал, что раньше охотники даже специально валили такие деревья и устанавливали самострелы, натягивая на высоте локтя волосяные нити. Слух у кабарги острый. Она издалека слышит падение дерева и приходит кормиться. Неравнодушны к этому лишайнику и многие другие

обитатели тайги, особенно белки. Но они не едят его, а используют для утепления гнезд.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток возмещается острыми саблевидными клыками, растущими из верхней челюсти. И хотя по величине они не могут соперничать с клыками секачей при необходимости кабарожка может постоять за себя, ведь длина ее клыков достигает десяти сантиметров.

*Окамусованные – оклеенные камусом. Камус – шкура с голени лося или изюбря. Можно использовать и лошадиный камус. Он тяжелее, но лучше других скользит по снегу.

Охотиться на кабаргу без хорошей собаки - бесполезное занятие. Благодаря чрезвычайно острому слуху она не подпустит охотника на выстрел. Поэтому я, не задерживаясь, зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах амбарчики на соболей и норок. Чтобы привлечь их внимание, вокруг щедро разбрасывал накроху - перья и внутренности рябчиков.

На становище вернулся, когда над ним уже витали соблазнительные запахи жареного мяса. Лукса колдовал у печки, готовя праздничное угощение - запекал на углях жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком.

После праздничного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено — хлынул дождь.

- Когда таймень хочет проглотить ленка, он обдирает с него чешую, - в мрачной задумчивости произнес Лукса, и тут же спохватившись, добавил: - Ничего. Терпеть надо. Жаловаться нельзя, елка-моталка. Поправится еще погода.

После дождя снег покрылся ледяной коркой, и я с утра остался в палатке, тем более, что нужно было заняться и хозяйственными делами. Невольно подумалось о рябчиках*. Смогут ли бедолаги пробить корку льда и выбраться из снежного плена? К полудню начался снегопад, а часом позже с

* Зимой рябчики (так же как тетерева и глухари) ночуют в снегу

горных вершин донесся нарастающий гул. Деревья беспокойно зашевелились, зашушукались, и вскоре налетел, понесся в глубь тайги могучий порыв ветра. Зеленые волны побежали по высоким кронам елей и кедров, сметая новенькие снежные шапки. Воздух на глазах мутнел, становился плотным, тяжелым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и, наконец, достиг резиновой упругости. Тайга напряженно стонала, металась, утратив свои обычные величие и покой. Деревья шатались, скрипя суставами, как больные. По реке тянулись длинные космы поземки. Недалеко с хлестким, как удар бича, треском повалилась ель. А два громадных ясеня угрожающе склонились над нашим матерчатым жилищем.

Залив нещадно дымящую печь и захватив спальный мешок, я с опаской выбрался наружу. Ураган, видимо, достиг наивысшего напряжения. Вокруг творилось что-то невообразимое. Было темно, как ночью. Небо смешалось с тайгой. Все потонуло в снежных вихрях, сдобренных обломками веток, коры и невесть откуда взявшимися листьям. Постоянно, то в одном, то в другом месте падали деревья. На фоне несусветного рева казалось, что они валятся бесшумно.

Забравшись в карман под обрывистым берегом, наглухо закупорился в мешке, как рябец в тесной снежной норе. В голову лезли беспокойные мысли: "Где Лукса? Что с ним? Тоже, наверное, отсиживается, пережидая непогоду. Не придавило ли палатку? Переживут ли звери такое жуткое ненастье?"

К вечеру ветер заметно осел, но, отбушевав, ураган время от времени пролетал на слабеющих крыльях, выстреливая плотными снежными зарядами. Вскоре снег повалил плавно, мягкими хлопьями. Воцарилась гнетущая тишина, особенно заметная после такого буйства стихии.

Лукса пришел поздно, изнуренный и потрясенный бурей.

- Чего Пудзя так сердился? - недоуменно сокрушался он. - Зимой деревья совсем нельзя гнуть. Беда как много тайги ломал. Обходить завалы устал. Ладно до конца не ходил - на развилке ключа отсиделся.

Ночью ветер опять многоголосо завыл голодным зверем, заметался по реке и сопкам в поисках поживы. Врываясь в печную трубу, он наполнял палатку таким густым дымом, что мы начинали задыхаться от удушья.

Проснулся от смачной ругани Луксы, яростно поносившего всех подряд — и дрова, и печку, и погоду, Высунув голову, я закашлялся от едкого чада. Оказывается, у него от искры, вылетевшей из печки с порывом ветра, загорелся, точнее, затлел спальник. Пока охотник почувствовал, что горит, возле колена образовалась огромная дыра. Легко понять несдержанность старого следопыта и простить ему крепкие выражения, ведь зимой в этих краях спиртовой столбик нередко опускается до отметки минус сорок градусов.

Выбравшись утром из занесенной снегом и обломками веток палатки, мы не признали окрестностей.

Мне не раз приходилось видеть ветровалы, но в свежем виде они ошеломляют. Местами деревья повалило сплошь. Уцелела только молодая поросль. Поверженные исполины лежали вповалку, крепко обнявшись зелеными лапами, стыдливо таясь за громадами вывороченной земли. Те, у которых корни выдержали бешеный напор, переломлены и истекают лучистой, как липовый мед, смолой.

Обрывки узловатых корней, здоровые, сочные кричали от боли, протестуя против столь нелепой и бессмысленной смерти. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли перед слепой стихией.

День между тем выдался погожий. Изголодавшиеся за время ненастья звери забегали в поисках пищи.

Тщательно осматривают свой участок и соболя — зверек никогда не пробежит мимо дупла, не обследовав его. Побывает на всех бугорках, заглянет под все валежины и завалы. Любит соболь пробегать по наклоненным и упавшим деревьям, особенно если то лежит поперек ключа или распадка. Часто, уходя под завалы, соболь невидимкой проходит под снегом десятки метров.

Душа радуется при виде этих замысловатых строчек. Необыкновенно интересное все же занятие — охота. Самое же большое удовольствие доставляет возможность проникнуть в глухие, укромные уголки, понаблюдать скрытую жизнь ее обитателей. Эта сторона охоты, пожалуй, и увлекла меня в первую очередь.

Хорошо помню то далекое февральское утро 1964 года, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Первое, что я увидел, открыв глаза, - новенькая, сверкающая одностволка "Иж-1" в руках улыбающихся родителей. С тех пор охота на долгое время стала моей главной страстью. И не беда, что не всегда удачен выстрел и возвращаешься без трофеев. Разве не стоит испытать холод, голод, усталость ради того незабываемого наслаждения, которое получаешь при виде первозданного уголка природы, дикого зверя на свободе, стаи птиц, взмывающих с тихой заводи в заоблачную высь?

Сегодня я шел в обход со сладостным предвкушением удачи, уверенный, что в одном из капканов в Маристом распадке меня обязательно дожидается соболёк. Все же как-никак четыре дня не проверял. Но отнюдь... В ловушках моя обычная добыча - мыши. И что обидно – некоторые "амбарчики" соболя вдоль и поперек истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не тронули. Как же, станут они грызть мерзлое мясо, когда повсюду живая добыча шныряет. Один из них прямо на макушке домика оставил, словно в насмешку, выразительные знаки своего "презрения" к жалким подачкам охотника.

В следующем домике сидела голубая сорока, обитающая в нашей стране только здесь - на юге Дальнего Востока. На ее счастье пружина была не тугая и не перебила лапку. Попалась она совсем недавно - даже снежный покров вокруг хатки не потревожен. Я разжал дужки и освободил птицу. Сорока, покачав головой в темной шапочке, взлетела на дерево. Расправила взъерошенные перья и, довольно резко высказавшись в мой адрес, упорхнула по своим делам.

Тут же я впервые увидел колонка, привлеченного, по всей видимости, криком сороки. Его рыжевато-охристая шубка на белом фоне смотрелась весьма эффектно. Тельце длинное, гибкое, с круто изогнутой спиной. Колонок несколько мельче соболя, но кровожаден и злобен: сила в сочетании с проворством позволяет ему одолевать животных и птиц, которые значительно крупнее его.

Пока я снимал ружье, зверек юркнул в снег под кучу валежин и веток. Дожидаться его появления можно весь сезон: мышей в таких местах великое множество - до лета хватит.

От них и в нашем жилище нет спасения. Ничего съедобного нельзя оставить - сгрызут. Продукты держим на лабазе. Но они и туда наловчились взбираться. Перекрыли им путь облив стойки лабаза несколько раз водой.

Ночами в палатке довольно шумно от мышиных ватаг, носящихся по скатам палатки и спальным мешкам. Одна, самая нахальная, как-то даже забралась ко мне в спальник, прогулялась до ступней ног и бодренько назад по шее, мимо уха. Я прямо оцепенел от ужаса. Не столько страха от тигра натерпишься, как от мышей. Из палатки выйдешь - веером рассыпаются. Со всех окрестностей к ней набиты их тропы - на кормежку ходят. Жирные, лоснящиеся, ужасно наглые и любопытные.

Однажды вечером сидим, ужинаем. Одна высунулась из-под чурки - стола, огляделась и деловито взобралась на нее. Я руку протянул, чтобы щелчок дать, а она, окаянная, носик вытянула и старательно обнюхивает палец - нельзя ли чем и тут поживиться. Ставим на них капканы, бьем поленьями, а грызунам по-прежнему нет числа. Того и гляди - за нас примутся.

Но я отвлекся от событий дня. Так вот, там, где путик проходит через межгорную седловину, лыжню пересекала ямистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Ведь хорошо известно, что речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило эту "рыбачку" предпринять сухопутное путешествие через перевал? Быть может, выдра покинула свой ключ потому,

что замерзли полыньи? Или он оскудел рыбой? А может просто проснулась тяга к странствиям?

Потрогал след пальцами: снег не смерзшийся, стенки рассыпались от легкого прикосновения; у выволока лежали воздушные, полупрозрачные снежинки. Сомнения не осталось — выдра прошла буквально передо мной. Лапы у нее короткие. По снегу бегает медленно. Возможность догнать её сразу соблазнила меня.

Сначала шел не спеша - устал за день, но, разглядев вдали мелькающее пятно, ринулся, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами густой подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды перед собой.

Выдра похоже услышала погоню - длина прыжков резко увеличилась и она свернула влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только силы взялись! Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь. Сбросил рюкзак, потом телогрейку. Вот уже шоколадная искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев. Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег плотным телом. Расстояние между нами быстро сокращалось. Притормозив, я вскинул ружье и выстрелил в изгибающееся волной туловище. Выдра мгновенно исчезла под снегом. Подбежав, по черточкам дробинок увидел, что промахнулся - сноп дроби прошел выше.

Скинув лыжи, я принялся лихорадочно разгребать снег ногами. Нижний слой оказался зернистым, сыпучим, и всё время скатывался обратно. Переводя дух, огляделся и увидел цепочку следов, терявшуюся в глубине леса — выдра обхитрила меня. Прошла под снегом и вынырнула из него через пару десятков метров. Пока надевал снятые лыжи, прошло довольно много времени: обманщица успела уйти далеко, но я всё равно кинулся в погоню.

Склон становился всё круче. Вскоре, чтобы погасить скорость и не врезаться в какое-нибудь дерево, мне пришлось хвататься за проносившиеся мимо стволы. Когда почти настиг беглянку и резко затормозил для выстрела,

она вновь нырнула в снег. Не тратя время на бесплодное перемешивание снега, я принялся ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами каждый участок. Но сколько ни вглядывался, ни выдры, ни ее следов нигде не было видно. В растерянности попробовал разгребать снег под поваленными стволами и в иных местах, где по моему разумению она могла затаиться. Бестолку - та словно сквозь землю провалилась.

Прочесав тайгу внутри большого круга, расширил границу поиска, однако выходного следа так и не обнаружил. Дело близилось к вечеру. Пора было возвращаться, тем более что в одном свитере, без телогрейки, я основательно продрог. Оглядев окрестности в последний раз и, совершенно окоченев, повернул обратно, кляня себя за промах.

При этом я не мог ни оценить сообразительность выдры. Осмысленность ее поведения вызывала симпатию и уважение. Дважды провела меня, да так ловко!

Подобрав телогрейку, я с трудом втиснулся в нее – на морозе она застыла коробом. К палатке подъехал уже в густой темноте.

Лукса с аппетитом высасывал из мосла костный мозг, на печке по-домашнему монотонно сипел чайник. Выслушав мой рассказ о том, как разумно вела себя выдра, старый охотник успокоил:

- Шибко не расстраивайся. Выдра — самый умный зверь в тайге. Как говорит наш охотовед: промысел выдры - это высший пилотаж. Однако не последняя зима у тебя. Придет время — добудешь. Я тоже выдру, как и ты на переходе гонял, но меня собака выручила. В завал загнала. Там взял. В другой сезон три собаки выдру под корягой причуяли. Одна сунулась. Выдра так лапой саданула, что кожу с носа содрала. Я стрельнул. Хитрюга с другой стороны выскочила - и к полынье. Собаки за ней. В клубок сплелись. Визжат, рычат и к воде катятся. Стрельнуть боюсь - собак зацеплю. Так и ушла, елка-моталка.

Опять окунувшись в воспоминания, наставник еще долго делился со мной своими наблюдениями из промысла пушнины. Я, как всегда, внимательно слушал, стараясь ничего не упустить.

- Лукса, ты вчера по ключу ходил. Мои «амбарчики» видел?

- Видел, видел. Молодец. Все правильно делаешь. Места подходящие.

- Почему же тогда соболь не идет? Может, пахучие приманки попробовать...

- Ерунда это. Если соболь идет на приманку, то идет на любую. А если не идет - что хочешь клади, не тронет. Надо ждать, когда они тропить начнут.

- Так три недели ведь прошло, а я еще ничего не поймал.

- Не спеши. Ходи больше, "амбарчики" ставь. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлет удачу. За всё надо платить, за удачу особенно.

Старый удэгеец, прав, и я настраиваю себя на длительный экзамен. Уверенность в успехе не покидает меня и поддерживает силы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ “ХОЗЯИН”

Морозы с каждым днем крепче, снег глубже, а дни короче. Хор наконец-то встал. Вся река в бугристых торосах громоздящихся друг за другом в чудовищном беспорядке. Там, где они дыбились на два-три метра, солнечные лучи отражались от торчащих граней обломков так чудесно, что кажется будто это сверкают россыпи гранёных алмазов. Ниже лед тускнеет, становясь у воды абсолютно черным. Когда река встает, уровень воды в ней повышается, и прибрежные льдины выпирает прямо к яру. В этот раз четыре моих капкана оказались безнадежно погребены ледяным валом. Скоро вода спадет до нормального уровня и подо льдом образуются обширные пустоты. В них тепло и есть свободный доступ к воде — все условия для безопасной и сытой жизни для норок и выдр. Тогда они станут почти недосягаемыми для охотника.

В связи с тем, что вертолёт, забросивший нас сюда, подвернулся совершенно неожиданно и мы не успели закупить всё необходимое для зимовки, теперь следовало кое-что подкупить.

Лукса ушел в стойбище за продуктами, а заодно "погулять маленько".

К обеду, после обхода пустых ловушек, настроение у меня сделалось пасмурным. Решил попробовать продлить путик вниз по Хору до Разбитой, названной так потому, что в этом месте от реки отбивается несколько проточек, которые, упираясь в отвесные скалы, опять сливаются и возвращаются в основное русло глубоким длинным рукавом.

Лукса рассказывал, что глубина в нем достигает девяти метров и там с незапамятных времен обитает громадный таймень. Сети он пробивает, как пуля бумагу. Леску рвет словно паутину. Все попытки поймать его не имели успеха. Я всегда скептически относился к таким рассказам, но все же собирался взглянуть на это легендарное место и заодно расставить ловушки.

Километров пять прошел легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой частый, что приходилось в буквальном смысле этого слова протискиваться между стволов. Вымотавшись вконец, повернул обратно, так и не дойдя до Разбитой, тем более, что уже выставил все капканы. Пройдя шагов сто, я остолбенел: рядом с лыжней появились следы тигра. Взбитая широкими лапами глубокая траншея резко сворачивала в сторону. Даже по следу чувствовалась необыкновенная сила и мощь зверя.

Панический страх сдавил меня стальным обручем. По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, лоб покрылся испариной, руки непроизвольно сжали ружье. Я замер, осторожно озираясь и до рези в глазах всматриваясь в окружающий меня лес. Было очевидно, что властелин северных джунглей шел за мной и скрылся в чаще, услышав или увидев, что я возвращаюсь. Мне даже чудилось, что я ощущаю его пристальный взгляд, и любое мое неверное движение может побудить тигра к нападению.

Не видя зверя, а лишь чувствуя его присутствие, я в панике хотел было взобраться повыше на дерево, но рассудок подсказал, что без движения на нем я быстро окоченею.

Пересиливая страх, вглядываясь в каждый куст, выворотень, словно именно там затаился хищник, пошел к становищу.

Через несколько дней мне опять пришлось идти по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда я прочитал следы.

Полосатый брел за мной около километра, обходя вокруг каждую снежную хатку, заглядывая в неё, не трогая, к счастью, приманки, ибо трудно вообразить, что было бы, если бы капкан защемил ему нос или палец. Когда я повернул вспять, громадная кошка прыгнула в сторону и полезла на гору, не помышляя о нападении. Ей просто было любопытно посмотреть, чем в ее владениях занимается горемыка-охотник.

Присутствие тигра на Буге сразу придало всему окружающему новый колорит.

ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, но Луксы все нет. Хорошо хоть Индус со мной. Все же живая душа: подъезжаешь к лагерю, а навстречу, повизгивая, всем своим видом выражая бурную радость и неуемное желание поласкаться, рвется с привязи преданный пес. Собака, надо сказать, оригинальная. Покорная и вялая в обычной обстановке, совершенно бестолковая на охоте, она неузнаваемо меняется, когда встаёт вопрос о сохранности моих вещей или трофеев.

Вспоминается такой случай. Вернувшись как-то с путика, я бросил рюкзак с рябчиками на кучу дров и спустился к ключу за водой. Вдруг слышу злобное рычание, визг. Взбежал на берег, и что же? Индус стоит у перевернутого рюкзака в боевой стойке. Шерсть на загривке торчком, пасть оскалена, в груди перекатывается рык, а ошеломленный Пират сконфуженно

бежит за палатку. Я прямо глаза вытаращил - Индус, всегда робеющий при виде Пирата, обратил того в позорное бегство.

Вечером, пока гладкое серое небо не сползло на землю бесцветными сумерками, несколько раз выходил на берег встречать Луксу - был почему-то уверен, что придет. Русло Хора очень извилистое, но от нашего становища просматривается далеко. Однако охотник так и не появился. Зато я подсмотрел, как на противоположном берегу развлекается шаловливая норка. В три прыжка взлетает на обрыв и съезжает на животе по снежному желобу. Отряхнется и опять наверх скачет. Да так азартно! Со стороны прямо как ребенок.

Продукты подошли к концу. Крупы осталось на два дня. Сахара – всего на один. Вдоволь только воды - целый ключ студеной и прозрачной. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с березы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый черный нарост - гриб чагу. Чай из него хоть и не сравнишь с индийским, но довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его лечебными свойствами.

В щедрой тайге знающий человек может найти лекарства от любой болезни, но нет, пожалуй, растения, пользующегося более громкой славой всеисцеляющего средства, чем женьшень — посланник древней флоры. В дословном переводе с китайского "женьшень" - "человек-корень". Корешок действительно нередко напоминает человеческую фигуру. О том, насколько ценился он в прошлом, можно судить по тому, что, например, в восемнадцатом веке он стоил в пятнадцать раз дороже золота! В зависимости от возраста женьшень именуется тройкой, четверкой, пятеркой — по числу боковых черешков в короне. Очень редко встречаются "шестерки", это старики, которым за сто лет. Если основной корень внизу разветвляется на два толстых отростка, его называют "мужиком". Он ценится дороже остальных. Живет женьшень очень долго. Некоторые доживают до 400-

летнего возраста и достигают веса в четыреста граммов! Один год – один грамм.

Осенью стебель женьшеня увенчан плотным шаром ярко-красных ягод. Они хорошо видны издалека. Между ягодами и кроной есть стрелочки - одна, две. Корнёвщики верят, что они указывают на соседние растения. На поиски одного корня уходят недели, но его целебные свойства и плата за труд с лихвой вознаграждают промысловика.

С того дня, как Хор встал, я стараюсь чаще ходить по реке — очень удобная дорога. Особенно нравятся мне ровные пространства речных плесов, слепящие глаза мириадами крошечных звездочек. Идёшь и кажется, будто под тобой опрокинутое на землю небо, узор созвездий на котором меняется с каждым шагом.

Вернуться в этот раз пришлось пораньше. Тех нескольких поленьев, что оставались, едва хватило бы вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу "тебе-мне", для которой в данном случае подходило название "мне-мне", и пошел искать подходящее дерево.

Пилить неохватные кедры одному несподручно, и я остановил выбор на сухой, выбеленной солнцем, ели толщиной сантиметров сорок. Обтоптал вокруг нее снег и вонзил стальные зубья в звенящий ствол. Дружными струйками полились опилки. Когда оставалось допилить несколько сантиметров, я попытался повалить дерево в нужном направлении, раскачивая ствол равномерными толчками. Макушка ели заходила, как маятник. И вдруг, качнувшись в мою сторону, дерево оглушительно треснуло и стало медленно валиться. Я ошалело рванул вверх по склону, утопая в снегу, ломая кусты.

До сих пор не пойму, почему побежал вверх, а не вниз. Наверно бессознательно бросился к своей обители. Ель в этот момент с шумом легла на мощные лапы кедра. Низко прогнувшись, они спружинили, и отбросили ствол, унизанный сучками, в мою сторону. Тупой удар в спину в одно мгновенье впрессовал меня в мягкий, как вата, снег. С минуту лежал

неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула быстро нарастающая боль в позвоночнике. Беспокойство и страх овладели мной. Неужели конец? Так глупо! Пошевелив сначала руками, потом ногами, понял, что не пришло еще время "великой перекочёвки".

Ствол, придавивший меня, стеснял движения, но руки были свободны. Я принялся отгребать снег - сначала вокруг головы, потом, с трудом просовывая ладони, из-под груди и живота. Колючие кристаллы струями вливались в рукава, за воротник, на шею и спину. Лезли в лицо, набивались в рот, но я радовался тому, что завален снегом. Что он тает на разгоряченном теле, пропитывая освежающей влагой одежду, так как прекрасно понимал, что именно снег мой спаситель.

Руки, действуя словно сами по себе, выгребали снежную крупу уже из-под бедер. С каждой минутой я проседал все ниже. Ствол перестал сильно давить на спину, и я попытался выползти из-под него. К неописуемому восторгу это удалось почти сразу, и вскоре я, мокрый, но счастливый, восседал на лесине, едва меня не погубившей: окажись я чуть выше, острые смолистые сучья пронзили бы меня насквозь.

Отдышавшись, отпилил несколько чурок и, наколов дров, забрался в палатку. Набил топку полешками, поджег щепу и, обсыхая у огня, не переставал удивляться невероятному везению, содрогался, представляя иной исход. А вот мой лучший друг, Юра Сотников, погиб, подумалось мне вдруг. Ему не повезло. Стечение целого ряда обстоятельств привело к трагической развязке…

ЛУКСА ВЕРНУЛСЯ

Целый месяц прошел впустую, а сегодня, когда мог, наконец, открыть счет трофеям - такой удар! Браню мышиное племя последними словами - съели полностью двух норок, попавших в капканы. Оставили на память лишь обглоданные скелеты да коричневый хвостик одной из них. По нему-то я и определил, что это были именно норки.

С тяжелым сердцем побрел дальше. Досада от неудачи усиливалась сожалением о напрасной гибели красивых зверьков.

Погруженный в свои переживания, не сразу заметил изюбра, стоявшего на краю овражка. Он обгладывал ольху. Услышав скрип лыж, олень величаво повернул голову, увенчанную огромными ветвистыми рогами и, как бы давая понять, что я значу для него не больше, чем любое рядом стоящее дерево, равнодушно скользнул по мне взглядом, и, постояв в некотором раздумье, нехотя побежал — сначала рысью, а потом изумительными прыжками, легко перемахивая через завалы и ямы.

В такие моменты сожалеешь, что в руках ружье, а не фотоаппарат. Волей-неволей начинаешь сравнивать между собой двух таежных красавцев: лося и изюбра. Но если лось просто могучий, сильный зверь, то изюбр - самое совершенное и величавое создание природы. Даже убегает так, словно специально предоставляет возможность полюбоваться грациозностью движений и изяществом форм своего тела.

Эта первозданная гармония наверняка вызывала восхищение и у наших предков, и это общее чувство как бы связывало меня в данную минуту с ушедшими поколениями. Пробуждало в сердце желание сберечь эту красоту и для наших потомков.

Такие встречи всегда очищают. Они своего рода баня для души: смывая всю накопившуюся грязь, помогают отличить истинную ценность от ложной. Делают добрее и лучше.

Возвращаясь к стану, услышал со стороны устья Буге два выстрела. Лукса!? Помчался словно на крыльях. И не ошибся: он сидел под лабазом на корточках в куртке из солдатского сукна и деловито разбирал содержимое рюкзака. Я уставился на него так, будто не видел целую вечность. Подбежал, стиснул в объятиях.

- Пусти, задавишь, - бурчал Лукса,- опять один жить будешь, елка-моталка. Лучше печку затопи, - но по его лицу было видно, что и он рад встрече.

- Чего так долго не приходил?

- Мал-мало загулял, - широко улыбнулся наставник. - И нарты долго искал. Нашел старые. Только до Джанго везли - сломались. Завтра сходим, принесем остальное. Там много ещё.

Сразу были забыты съеденные мышами норки, сучкастая ель. А когда из рюкзака появились сгущенные сливки, свежий хлеб и индийский чай, то и все прочие неприятности, случившиеся со мной за время его отсутствия, вовсе отодвинулись куда-то далеко-далеко.

Растопили печь. Насладившись вкусом давно забытых продуктов, я плюхнулся на спальник и блаженно вытянулся. Лукса набил трубку махоркой, закурил, поглядывая на меня:

- Чего поймал? - с возможно большей небрежностью в голосе спросил, наконец, он.

Я выразительно излил душу, в адрес ненасытных мышей. Лукса, сочувственно качая головой, соглашался:

- Сколько живу, столько мышей не помню. Однако, надо чаще ловушки проверять.

Перед сном вышел проветриться. Остывший воздух стал упруг, жгуч. Черная бездна манила дырочками звезд. Изящный ковш Большой Медведицы, опершись дном о скалу, подливал чернил в и без того непроглядную тьму.

Из трубы, как из пасти дракона, вырывался столб пламени, обстреливающий звезды недолговечными светлячками искр. Холод незаметно пробрался под одежду. И сразу таким уютным показалось наше тесное брезентовое жилище. Я поспешно юркнул обратно. Тепло ласково обняло, согрело; приветливо закивала оплывшая свеча, привычно попыхивал трубкой Лукса. Даже поленья, словно обрадованные моим возвращением, с новой силой возобновили трескучую перебранку.

ПАМЯТИ ДРУГА

Проснулся от сильного озноба. "Снежная ванна", полученная накануне, не прошла даром. Пересилив недомогание, я все же отправился в обход.

На обратном пути почувствовал, что силы с каждым шагом тают, ноги наливаются свинцом. Сонный туман, заполнивший мозг, лишил меня воли, и я остановился посреди реки у затора отдохнуть. И ладно бы посидел с минутку, да пошел дальше. Так нет. Прельстившись солнечным теплым днем, уложил лыжи камусом вверх и прилег на них. Глаза закрылись сами собой. Навалившаяся дремота подхватила, и я полетел в бездну мира грёз с чувством блаженства и покоя...

Внезапно кольнувшая мысль: замерзаю! — пронзила меня, подобно удару электрического тока. С трудом разомкнул склеенные изморозью веки. Ветер, дувший в голову, уже успел намести в ногах сугроб. Как ни странно, холода я не ощущал. Только мелкая дрожь во всем теле. Ни руки, ни ноги меня не слушались. После нескольких попыток, я сумел все-таки перевалиться на живот и с трудом встать на четвереньки. Раскачиваясь взад-вперед, размял бесчувственные ноги. Потом медленно выпрямился и стал приседать, размахивать руками, колотить себя. Немного согревшись, надел рюкзак и поплелся дальше. Как добрался до палатки — уже не помню.

Три дня, не вставая, пролежал в спальном мешке в полузабытьи. Спасибо Луксе. Каждый день, перед уходом, он заносил в палатку несколько охапок дров и вливал в меня какие-то отвары.

За время болезни я сильно ослаб, но зато на всю жизнь усвоил: заболел — не ходи, отлежись. Тогда организм с зарождающейся хворью быстро справится.

Когда, наконец, дело пошло на поправку, я много раз вспоминал Юру Сотникова и его напарника Сашу Тимашова. Мои злоключения казались такими незначительными и пустяковыми по сравнению с тем, что выпало на их долю.

Когда я думаю о Юре, банальное и затасканное сочетание слов “любовь к природе” приобретает для меня новое свежее звучание. Оно звучит так, словно слышишь его впервые.

Интересно, но оказывается одни и те же слова звучат по-иному, когда думаешь о разных людях. Если мысленно представить жизненный путь Юры, то слышишь истинное значение этих слов. Вся его жизнь это и есть - ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ.

Познакомился я с ним в 1968 году во Владивостоке в один из тех чудесных сентябрьских дней, которыми славится Южное Приморье. Он сразу привлек мое внимание. В нём чувствовалась сильная личность, хотя внешность имел не приметную, чуть старомодную. Среднего роста, спортивного вида, темно-русые волосы аккуратно острижены. Защитного цвета рубашка с короткими рукавами заправлена в черные брюхи с всегда тщательно отутюженной стрелкой. На приветливом русском лице с впалыми щеками серые, глубоко посаженные, но в то же время как бы распахнутые, глаза. В них безмерная доброта и тепло его души. Но где-то в глубине всегда таилась легкая, непроходящая грусть. Даже когда Юра смеялся, а посмеяться он любил, она не исчезала, как не исчезала и мягкая улыбка на губах. Вздернутый кончик носа начисто лишал выражение его лица мужественности. Хотя на самом деле он был сильным, волевым человеком. Больше всего меня восхищала в нем целеустремленность и безоглядная готовность к бескорыстной помощи.

Юра не мыслил себя без походов по Дальневосточной тайге, много путешествовал. Мы быстро подружились. Вдвоем четырежды пересекали Сихотэ-Алинь с побережья Японского моря до реки Уссури. Совершили несколько небольших, но памятных походов по горам Южного Приморья.

Вскоре судьба разлучила нас. Из писем я знал, что в августе 1972 года вместе с всеобщим любимцем нашего общежития на Державина 17, русским богатырем и красавцем, Сашей Тимашовым он отправился по очень сложному маршруту по безлюдным и диким притокам реки Алдан: Гонаму и Учуру. А в конце ноября отец Юры, Василий Иванович, известил меня, что

ребята с маршрута не вернулись. Поиски, организованные Алданским авиаотрядом и геологами, пришлось прекратить из-за рано выпавшего глубокого снега и низкой сплошной облачности.

С наступлением весны, по инициативе комитета комсомола Дальневосточного политехнического института, выпускниками которого были Юра и Саша, при активной помощи Приморского филиала географического общества СССР, была собрана поисковая группа в составе восьми человек под руководством одного из самых титулованных туристов Дальнего Востока — Бориса Останина.

За неделю мы добрались до верховьев Гонама и начали сплав с частыми остановками в местах возможной трагедии.

Возле устья ключа Нинган, в шестистах километрах от последнего жилого поселка, нашли в брошенной избушке геологов записку. Вот ее полный текст:

"Тем, кто, возможно, будет разыскивать нас.

Вышли на Гонам 1 августа. В ночь с 23 на 24 августа пятиметровым паводком унесло лодку и снаряжение. Сюда добрались на легком плоту 2 сентября в крайне истощенном состоянии, т.к. голодали. Здесь держались частично (очень мало) на грибах и ягодах. В этом состоянии разобрали склад, чтобы построить плот. Сегодня, 15 сентября, мы отправляемся вниз по Гонаму. Надеемся встретить на Учуре людей. Ноги опухли, передвигаемся с трудом.

15.09.72 г.

Сотников. Тимашов.

P. S. Существенно обижены на геологов, улетевших отсюда в этом году с нарушением закона тайги. Немного муки и крупы очень облегчили бы наши страдания."

Позже на метеостанции Чюльбю (в двухстах сорока километрах от устья реки Нинган) метеоролог Шатковский по журналу наблюдений подтвердил,

что в двадцатых числах августа 1972 года шли проливные дожди и уровень воды в реке Учур у метеостанции за сутки поднялся на восемь метров!! Это соответствует подъему воды в среднем течении Гонама на пять-шесть метров. Такой быстрый и мощный подъем характерен для районов вечной мерзлоты. Оттаявший за лето верхний слой почвы перенасыщен влагой, и поэтому во время дождя вода, не задерживаясь, сразу скатывается с гор прямо в реки. Мы и сами на второй день сплава в верховьях Гонама были застигнуты двухметровым паводком после непродолжительного ненастья.

Ниже Нингана река прорезает высокие гранитные хребты и каскады надсадно ревущих порогов здесь следуют один за другим. Я до сих пор не могу понять, как обессиленные ребята на неповоротливом, бревенчатом плоту сумели пройти Солокитский каскад протяженностью 46 километров. На нём даже наши надувные плоты надолго исчезали среди кипящих валов и низвергающейся со всех сторон потоков.

За плечами ребят остались многие сотни километров дикого, безлюдного пространства, но последний порог им пройти не удалось. И что самое обидное — дальше река успокаивается: и плот даже без управления вынесло бы на судоходную реку Алдан, к людям…

В устье речки Холболоох группой челябинских туристов, шедшей следом за нами, на высоком берегу была найдена разрытая медведем могила глубиной 30-40 см и лежавший на земле крест с нацарапанной надписью: "Сотников Ю. В. 23.09.72 г." Вокруг могилы валялись кости, остатки одежды. Все это челябинцы (низкий им поклон) собрали, подправили могилу, поставили новый, далеко заметный с реки массивный крест и возложили еловый венок.

А на следующий год корабелы из Николаевска-на-Амуре — родины Юры Сотникова — закрепили на кресте пластину из нержавеющей стали. На ней были выгравированы строки последнего Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать.

Я знаю, что не нужно слов высоких.

Мне хочется в объятьях крепких сжать,
Как плечи друга, склоны хмурых сопок.
Узнав тайгу, нельзя забыть ее.
Она своим простым законам учит.
Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.
Здесь все свои и, верно, в этом суть.
Строга, добра, сурова, необъятна.
И где бы не лежал мой путь, -
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.

Юра Сотников. Хабаровский край.
Трагически погиб 23.09.72 г.

Я прикрываю глаза и пытаюсь представить последние часы жизни Юры...

Два изможденных человека в лохмотьях лежат, скрючившись у чадящего костра. Слабое пламя хоть как-то согревает, а дым должны заметить с воздуха. До звона в ушах они вслушиваются в шум тайги, пытаясь выделить из него гул мотора.

Бесконечная, промозглая сырость измотала людей, а ночью ещё выпал глубокий, сразу по колено, снег. Холод пронизывал до костей.

Юра уже не в силах ходить. Сердце его билось слабо, с перебоями. Ему чудится летний луг и среди ярких цветов его мама в белом платье. Она совсем молодая. Моложе даже чем он. Она медленно приближается. Вот Юра явственно ощутил на лице её мягкие ладони. Только сейчас на 26 году жизни он заметил, что её щёки покрыты нежным золотистым пушком. Подумалось: «Удивительно, как я раньше не замечал этого… Жаль, что прежде я так мало вглядывался в мамино лицо». Родной образ унесся в дымку, а следом наплывало новое видение...

Саше, напарнику Юры, приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя подняться и вновь идти собирать ветки и сучья. Сырые дрова

шипели, почти не давали тепла. Все, что могло гореть, вблизи собрано, и поддерживать огонь становилось все труднее и труднее...

Опять послышался гул летящего самолета. Он нарастал. Глаза загорелись надеждой — люди совсем близко, их ищут! Вот самолет прогудел над их головами, но... проклятье небесам!!! - в низких облаках ни одного просвета!

Юра с усилием разомкнул воспаленные веки. Ввалившиеся глаза потеряли блеск и больше не оживляли серого, изможденного лица. "Как красива тайга в белом одеянии. И непокорившийся Гонам нынче не так грозно ревет", — с грустью подумал он. —"Нас не оставят. Нас обязательно найдут..." — Но снежинки уже накрывали лицо лежащего у костра человека белой маской. Она больше не таяла...

Юра не представлял своей жизни без тайги, и судьба распорядилась так, что он навеки остался на земле мудрого Улукиткана — проводника Григория Федосеева, книги которого Юра так любил и много раз перечитывал.

Где настигла смерть Сашу Тимашова, неизвестно. Умер ли он там же от холода, голода? Или всё же нашел силы идти дальше и встретил свой смертный миг в пути? Только тайга знает ответ на эти вопросы.

Юры больше нет, но останутся жить в моей памяти его слова: "Лучшие качества человеку дает природа. Она делает его добрее, очищает от шелухи и оставляет главное — здоровый стержень".

Через несколько месяцев после окончания поисков и возвращения в Башкирию я получил из Николаевска-на-Амуре посылку — продолговатый фанерный ящик с завернутым в чистую мешковину винчестером и письмо, из которого узнал, что Юра взял с собой на Гонам легкую малокалиберную винтовку, а тяжелый пятизарядный винчестер с боеприпасами оставил дома. В конце письма была приписка: "Ружье наш дар тебе от нас и Юры. Береги. С уважением, Василий Иванович, Вера Васильевна Сотниковы".

Из этого же письма я узнал, что у их сына, моего друга и учителя был порок сердца и он всю жизнь, не сдаваясь, мужественно преодолевал свой недуг.

ДЖАНГО

На четвертый день хворобы почувствовал себя заметно лучше и, выбравшись на свежий воздух, занялся ремонтом лыжных креплений. Занятие это не требовало больших усилий, но из-за общей слабости приходилось часто отдыхать.

— Эх, мне бы Луксино здоровье, — невольно вздыхал я. — Ему все нипочем. Умывается снегом, воду пьет прямо из полыньи, спит в дырявом, свалявшемся спальнике, никогда не мерзнет и не простывает. Чем не снежный человек? Правда, временами жалуется на боли в желудке, но и то как-то мимоходом.

После обеда, закончив, наконец, ремонт, шатался по стану взад-вперед, как неприкаянный. Угнетало неопределённое душевное состояние, которое называют предчувствием. Съеденные норки не давали покоя, и я не удержался, пошел проверить ближние ловушки в полукилометре от палатки.

Первая не прельстила привередливых зверьков. "Квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу" - сначала звонко, а потом жалобно и тревожно кричал дятел-желна над следующей хаткой. Невольно прибавив шаг, сгорая от нетерпения, я заглянул в нее. Но увы – и здесь норка пробежала рядом со входом, оставив жирные кетовые плавники без внимания.

Над головой повторилось жалобное "квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу". Только сейчас я разглядел дятла, сидящего на березе в метрах десяти. Жалобный, гнусавый крик никак не вязался с его суровым обликом. Я стал наблюдать за ним. Желна самый крупный среди дятлов. Гроза вредителей леса имел и соответствующий наряд: черный, с красной шапочкой на голове.

Бойко перемещаясь по стволу, он выстукивал его подобно врачу то с одной стороны, то с другой, то выше, то ниже. Наконец дятел что-то нашел: вероятно зимовочную камеру личинки короеда и приступил к "операции", используя крепкий острый клюв.

Во все стороны полетели щепки, следом древесная труха. Временами дятел, комично наклоняя голову то влево, то вправо осматривал конусовидный канал. Вот, наконец, спящая личинка наколота на острые щетинки щилообразного языка и отправлена в желудок. И так целый день! Бедняга!

На следующее утро, торопя рассвет, мы пошли с Луксой на Джанго за продуктами.

Холодок слегка пощипывал уши. Снег под лучами восходящего солнца сиял девственной чистотой и свежестью. Собаки весело носились, рыская по сторонам, то забегая вперед, то отставая. Вдоль берега, выстроившись в несколько рядов, застыли могучие высоченные тополя.

— Лукса, из такого тополя, наверное, можно выдолбить не один грузовой бат*?

— Да, тополя здесь хорошие. На Тивяку один охотовед даже жил в дупле такого тополя. Три сезона зимовал. Сделал в нем настоящий дом. Дверь повесил, окошко вырубил, потолок сделал. Печку поставил. Нары. Потом кто-то жег, елка-моталка. Чего жгут? Кому мешает?

Перед Разбитой Пират неожиданно остановился. По его настороженному виду мы догадались, что он почуял зверя. На острове, окаймленном ржавым тальником, сквозь морозную дымку вырисовался силуэт оленя. Заметив нас, изюбр бросился наутек. Пират напористо, с азартным лаем, ринулся следом. Индус же отнёсся к этому совершенно спокойно: "Убегает - стало быть хозяину не опасен", - по-своему истолковал он происходящее и равнодушно наблюдал за погоней.

Казалось изюбр не бежал, а летел, откинув голову назад, лишь изредка касаясь копытами снега, и через несколько секунд скрылся за излучиной реки. Вскоре характер лая изменился

— Остановил, — сказал Лукса.

Я поглядел на него с недоумением.

---

* Бат – грузовая, долбленная из ствола тополя, лодка

— Когда гонит — лает с визгом, остановит — как на человека лает и подвывает, - пояснил промысловик.

Мы прибавили ходу и вскоре перед нами предстала незабываемая картина: красавец олень стоял у промоины, вытянувшейся длинной, черной лентой под обрывистым берегом, и приготовился к обороне; Пират, злобно взлаивая, волчком вертелся на безопасном расстоянии, отвлекая внимание на себя. В такой ситуации не составляло труда приблизиться к изюбру на верный выстрел, но стрелять мы не могли — зверь запретный, а лицензии на него у нас нет. Отозвав озадаченного пса, двинулись дальше.

Широкий торосистый коридор реки открывал поворот за поворотом. По берегам кое-где бугрились обширные наледи. От них, словно от чаш с кипятком, лениво поднимался пар.

За Разбитой, на небольшом возвышении, как на постаменте, высилась двадцатиметровая каменная глыба. Ее грубые, но точные контуры напоминали массивную голову ухмыляющегося великана. Особую прелесть придавали скале роскошные лишайники, покрывавшие её «затылочную» часть пестрым радужным ковром. То ярко-красные, почти кровавые, то нежно-зеленые, то сиреневые, они были словно краски сочной палитры художника. Природа щедра и нетороплива: ее никак не упрекнешь в недостатке фантазии и за тысячелетия с помощью ветровой эрозии, воды и солнца она творит чудеса.

На подходе к Джанго до нас долетел глухой невнятный рокот. Сначала мне показалось, что это гул мотора, но вскоре понял, что ошибся. Шум исходил от изумительного по красоте порога, обрамленного изумрудным ожерельем льда и покрытого вихрастой шапкой тумана. Хор в этом месте зажат скалистой стеной с одной стороны и невысоким каменным мыском, глубоко вклинившимся в русло — с другой. Русло завалено обломками базальтовых плит, и река в остервенении билась об них.

Мороз усмирил ее буйство, одев толстым льдом, но в самом центре на стрежне остался не замерзший участок. Зеленоватые буруны бесновались в

тесном кольце, пытаясь разрушить оковы. Но мириады брызг, оседая на прочных надолбах, делали их все более неприступными. Пройдёт еще несколько морозных дней, и порог сплошь заплывет льдом, затихнет до весны.

Ниже по течению заметили темный бугор, слегка припорошенный снегом. Подойдя ближе, мы увидели, что это лосиха. Надо льдом возвышались передние ноги, голова и туловище. Вокруг следы волков. В боку лосихи зияла дыра, через которую те выгрызли все мясо.

— Волки часто так делают: гонят лося на слабый лед, а когда провалится, окружат и ждут, когда вмерзнет, — прокомментировал Лукса.

Я содрогнулся, представив эту жуткую картину.

Ну вот, наконец, и Джанго. Прежде здесь было большое стойбище, а сейчас просто поляна с парой устоявших перед разрушительным временем лабазов. Можно отдышаться. После болезни я был еще слаб, и отдых затянулся. Поев мяса и выпив душистого чая с подрумяненным на костре хлебом, я долго лежал у огня в дремотной тишине. Лукса что-то терпеливо ладил острым ножом. День угасал. Пора было возвращаться.

Взвалив на плечи рюкзаки с продуктами, тронулись в путь. Сумерки быстро сгущались. Когда подошли к порогу, было совсем темно. Ревун, при свете дня сказочно красивый, в кромешной тьме казался угрюмым и зловещим.

Дальше шли на ощупь по уже застывшей лыжной колее, определяя край следа плоскостью лыж. На наледях, чтобы не сбиться, поджигали смоляк. Обратная дорога меня совершенно измотала. К становищу подходил вовсе без сил, как зомби. В прореху туч запоздало выглянул медовый диск луны, напоминающий лицо радостно улыбающегося колобка, сумевшего вырваться на волю. Тайга осветилась мягким светом. Но сердитая хозяйка-ночь быстро спрятала неслуха за высокий конус сопки, а на нас накинула чёрное, с крапинками звёзд, покрывало, точно поторапливая ко сну.

— Луна о сопку ударилась и на звезды рассыпалась, пошутил Лукса.

Напившись чаю, забрались в мешки, и я впервые, несмотря на крепкий мороз, проспал до утра, ни разу не проснувшись.

БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Еще одна неделя прошла впустую. В последнее время чувствую себя волком, безрезультатно рыщущим в поисках добычи, который несмотря на неудачи, вновь и вновь черпает невесть откуда силы, и все с большим ожесточением продолжает идти к заветной цели. Надежду на успех не теряю и духом не падаю. А когда подступает отчаяние, то сам себе напоминаю известную историю о лягушках.

"Попали как-то в горшок со сметаной две квакуши. Бока у горшка крутые да высокие - никак не выбраться. Одна лягушка сразу смирилась - все равно помирать. Перестала барахтаться и утонула. Вторая барахталась, барахталась, в надежде выбраться, и лапками сбила из сметаны масло. Тут она из горшка и выпрыгнула!".

Сегодня, когда настораживал капкан, боковым зрением уловил какое-то движение вдоль промоины. Оглянулся - норка! Пробежав немного, она змеей соскользнула и так быстро поплыла по узкой полоске воды, что только голова замелькала между заберегов. Вскоре я потерял ее из виду.

Обедать вернулся в палатку. Отдохнув, направился в сторону Разбитой. Выйдя на небольшой ручей, остановился и сразу обратил внимание на рябь, пробежавшую по глади черной полыньи. Меня это озадачило: ветра-то не было. В этот момент из воды показалась... норка. Надо же, — подумал я — то за неделю ни одной, то весь день перед глазами скачут. Держа в зубах рыбку, норка ловко взобралась на берег. Я застыл как вкопанный. Она оценивающе оглядела меня и, сочтя что я не опасен, встала как бобренок на задние лапки. Закончив трапезу, спрыгнула на лед и скрылась в воде, но через несколько секунд снова появилась и принялась чистить, прилизывать шубку.

Я вскинул ружье, прицелился, но выстрелить не решился - далековато. Стал ждать, в надежде на то, что норка подбежит ближе. Прошло несколько томительных минут. Нервы дрожали от напряжения, сердце билось учащенно. Наконец зверек закончил прихорашиваться и... побежал прочь.

Раздосадованный, пошёл дальше, как вдруг навстречу выкатывается в Лукса. По веселым лучикам, разбежавшимся от его глаз, было видно, что он с богатым трофеем. И точно – я не ошибся. Лукса поймал соболя! Наконец лед тронулся!!!

— Камиль, не пойму, ты норку ловишь или медведя? – спросил он поравнявшись.

— А в чем дело? — оторопел я.

— Смотрел твои капканы на ключе. Зачем такой большой потаск делаешь?

— А как же? Кругом полыньи. С маленьким норка до воды доберется и ищи-свищи ее тогда.

— Неправильно думаешь. Норка с капканом в воду не идет — на берег идет. А если потаск тяжелый, то она лапу грызет и уходит. Однако пора мне - путик длинный, а день короткий, елка-моталка, — попрощался Лукса и размашисто заскользил своей дорогой.

Подходя к последнему канкану, я заметил, что кто-то дернулся под берегом у коряги. Затеплилась надежда: вдруг тоже удача? Но, увы — попалась любопытная сойка. У самого обрыва остановился, соображая, где лучше спуститься кловушке. И не успел глазом моргнуть, словно по волшебству, перед сойкой возник громадный филин. Окончания его маховых перьев необыкновенно мягкие и нежные. Поэтому летает он совершенно бесшумно, словно призрак. Размеры птицы меня поразили: высота не менее шестидесяти сантиметров, а голова как у трехлетнего ребенка.

Увидев над собой пернатого гиганта, сойка в смятении заверещала, вскинула крылья, но он бесстрастно занес лапу и вонзил когти в грудь. Резкий крик взметнулся в небо и тут же оборвался. Я свистнул. Филин поднял голову, вытаращил немигающие глаза и исчез так же бесшумно и

незаметно, как появился. Вот бестия! Спустившись вниз, вынул еще теплую сойку из ловушки и положил ее в пещерку вместо приманки, а капкан перенасторожил.

Солнце, весь день игравшее в прятки, перед заходом, наконец, избавилось от назойливых туч. Ветер стих. Высокие перистые облака, бронзовые снизу, предвещали смену погоды.

Гип-гип, ура!!! Я добыл первую в своей жизни пушнину!

Утром, как обычно, пошел проверять капканы. Валил густой снег. Порывистый ветер гонял по реке спирали снежных смерчей, мастерски заделывая неровности в торосах. В общем, погодка была "веселая". Даже осторожные косули не ожидали появления охотника в такое ненастье и подпустили меня почти вплотную. Испуганно вскочив с лежек, они умчались прочь гигантскими прыжками, взмывая так высоко, что казалось: еще немного — и полетят.

Приближаясь к капкану, установленному у завала, где часто бегал колонок, увидел, что снежный домик пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке торит факелом рыжий зверек со злобной хищной мордочкой в черной "маске".

Я возликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы ухватить его за шею, но колонок пронзительно заверещал и, сделав молниеносный выпад, вцепился в рукавицу. Быстро перебирая острыми зубками, он захватывал ее все глубже и глубже. В нос ударил зловонный смрад, выделяемый всеми куньими в минуту опасности. Маленькие глазки сверкали такой лютой ненавистью, что я непроизвольно отдернул руку, оставив рукавицу у него в зубах. Умертвив зверька с помощью "заглушки", положил добычу в рюкзак.

Возможно, читателя покоробят эти строки и он подумает: "Убийца!" Но не надо рубить сплеча. Мне тоже жаль колонка, но для промысловика — это работа. Без крови и смерти здесь не обойтись. Всем нравится красиво

одеваться, но, согласитесь, звери не сами превращаются в меховые шапки и воротники*.

*Описываемые события относятся к 1974-75 гг. Со временем, видя как скудеет тайга, я дал зарок (в 1982г.) и больше не охочусь. А в 1993 году мы с женой Татьяной учредили в Башкирии Фонд поощрения граждан и организаций, занятых защитой диких животных.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из нее высунулся Лукса. По моей сияющей физиономии он сразу догадался, что добрый Пудзя вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же сегодня редкостные трофеи: на перекладине висели две непальские куницы - харзы. Их головы были обернуты тряпочками - "пусть другие звери не знают, что пропавшие куницы в наших руках". Делает это Лукса всегда, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Внешне харза похожа на обычную куницу, но вдвое крупнее. Она одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Хвост у нее длинный, поэтому, снующая по ветвям харза, напоминает еще и мартышку.

Окраска у этих животных своеобразная и довольно привлекательная. По богатству цветов она может соперничать с самыми пестрыми обитателями тропиков. Бока и живот ярко-желтые, горло и грудь оранжевые, голова черная, затылок золотистый.

Попались обе на приманку в снежных "амбарчиках", стоящих друг от друга на расстоянии двухсот метров.

За время охоты мне ни разу не довелось встретились даже их следов, и поэтому я был крайне удивлен необыкновенной удачливостью наставника.

— Лукса, как ты сумел сразу пару взять? Их на всем Буге, поди, не больше двух и было!

Польщённый промысловик прищурился, пряча снисходительную улыбку.

— Эх ты, охотник! Харза ведь одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются три, четыре. Кабаргу они любят, а вместе легче

добыть. Одна вперед гонит, вторая сбоку к реке прижимает. На лед выгонят и грызут. Весной по насту три-четыре харзы даже изюбра взять могут.

После ужина я сел обдирать свою первую пушнину. Ох и муторная оказывается работенка. Пока снял и очистил добела мездру, кожа на кончиках пальцев вздулась и горела огнем. Очищенную шкурку натянул на специальную деревянную правилку и повесил сушиться.

С утра занялись сооружением защитного «шалаша» над палаткой. Мера эта вынужденная: под брезентом от печки тепло и во время снегопада с потолка всякий раз начинается весенняя капель. Нарубили лапника и толстым слоем обложили им каркас палатки. От этого в нашем жилище стало теплее, но сумрачнее.

Время близилось к обеду. Идти в тайгу уже не имело смысла, и мы решили воспользоваться свободным временем для заготовки дров. Выбрали сухой, без коры кедр. Он был так высок, что корявая вершина при падении перекинулась через ключ удобным мостиком.

Чурки, огромные, как колеса средневековых повозок, ставили вдвоём на ствол, затем взваливали одному из нас на спину, и тот, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно маятнику, нес эту "дуру" почти двести метров к дровяному складу. Пот заливал глаза, одежда липла к спине, ноги от напряжения гудели. Каждому пришлось прогуляться раз двадцать. Зато дров запасли надолго.

Последний день осени ознаменовал перелом в охоте. После сильных снегопадов Пудзя, наконец, сжалился над нами и дал долгожданную "команду" - соболя начали тропить. Как говорит Лукса — Пудзя все видит, Пудзя не обидит терпеливого охотника.

Утром старый промысловик повел меня к Разбитой, где появилось много тропок. Он хотел на месте показать, как ставить капканы на подрезку. Шли долго. Я все время отставал.

— Хорошо иди. Такой большой, а ходишь как черепаха, — недовольно ворчал Лукса. Он был не в духе. В такие моменты наставник становился насмешливым и начинал ехидничать, а если попадал в точку, то распалялся еще пуще.

- Ну-ка, что это? – не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь?!

— Не крути хвостом, как росомаха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить, учитель, это белка откапывала кедровую шишку.

— А, по-моему, это работа кедровки, — пытаясь сбить меня, возразил Лукса.

— Никак нет, дорогой учитель. Кедровка, мотая головой, разбрасывает снег на обе стороны, а белка снег отбрасывает лапками назад. Так что это раскопка белки. Она чует запах кедрового ореха даже сквозь метровый слой снега.

— Молодец, елка-моталка. Тебя не купишь, - повеселел старик, одобрительно похлопывая меня по рукаву, так как до плеча дотянуться ему было непросто. Лукса, как и всякий настоящий учитель, всегда радовался и гордился моими успехами.

Под Разбитой появились сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый следопыт, только глянув, сразу отмечал: "Это двойка, это тройка". А я никак в толк не возьму, по каким приметам он определил сколько раз тут пробежал зверёк. Вроде ничем тропки и не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это? Заметив мой непонимающий взгляд, Лукса пояснил:

— Смотри сюда. Одиночный след — широкий, глубокий, нечеткий, а на тропке мелкий, ясный.

И сразу стал показывать, как устанавливать капкан на подрезку.

Понаблюдав с полчаса, как Лукса маскирует ловушки, я полез на сопку закреплять урок на практике. Продираясь сквозь белоразукрашенные

пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными лианами коломикты и аргутты, изрядно умаялся. Взгляд, жадно шаривший в поисках собольих следов, сначала натыкался только на многочисленные наброды изюбрей да кабанов. Зато на скосе длинного отрога меня ожидали прекрасные тропки.

Солнце в своем вечном движении неумолимо клонилось к гребню темно-синих гор. В низинах уже стоял густой сумрак, и я успел поставить всего два капкана. Первый — на горбатом увале, в том месте, где соболь поймал и съел сразу двух мышей, а второй — в начале крутого распадка. Выезжая из ее устья, врезался в самую гущу аралий и при падении сильно оцарапал лицо об их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этих безжалостных, густорастущих «деревьев». Высотой они обычно метра три-четыре. Ствол голый, без ветвей. Сплошь утыкан длинными и прочными, как сталь шипами, острыми как зубы щуки. Если пройти сквозь заросли аралии сотню шагов, то от одежды останутся одни лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Ловля на приманку — скучное занятие. Изо дня в день ходишь по проторенным, надоевшим до оскомины путикам. Все привычно. Ничто не задерживает взгляд. То ли дело подрезка! Чтобы найти хорошую тропку, нужно ходить по новым местам, а это всегда новые впечатления и неожиданные встречи.

Вчера было ясно и морозно. Углы палатки впервые обметало инеем. Сегодня же потеплело. По радио обещают снег, а это ой как некстати: капканы на подрезку засыплет, а их у меня девять штук уже стоит. Вся работа пойдет насмарку. Правда, хорские "синоптики" - вороны — каркают на мороз. Надеюсь, что чуткие птицы не обманут.

Первое время я относился к их прогнозам без особого доверия. Но точность предсказаний этих смышлёных птиц быстро развеяла мой скептицизм.

Например, если вороны каркают дружно — быть холоду, устроили в небе хоровод — скоро поднимется ветер.

Весь день расставлял новые ловушки. Устал до изнеможения, но несмотря на это, всё же полез еще дальше в сопки. Ничего с собой не могу поделать. Постоянно тянет заглянуть за горизонт. Вскоре стали попадаться уже не тропки, а настоящие торные дороги, и принадлежали они не соболю, а хозяину уссурийских дебрей — тигру. Его огромные следы перемежались с кабаньими. На вершине сопки все тигровые тропы сходились и тянулись вдоль гребня к перевалу. Судя по округлой форме отпечатка — это след самца. (У самок след более продолговатый.)

Снедаемый любопытством, я пошел вдоль торной тропы. На выступе утеса под многовершинным кедром обнаружил лежку. Похоже, что правитель таежного царства часто бывает здесь: отдыхает, обозревает свои владения. Вид отсюда действительно великолепный. И словно в награду за смелость (признаюсь, всё же было страшновато), я впервые имел возможность рассмотреть мощный горный узел на юго-востоке, откуда берет начало самая труднодоступная в этих краях река Чукен.

Белоснежные скалистые вершины, испещренные глубокими шрамами осыпей, возвышались плотной выразительной группой. От них веером расходились более низкие отроги. Если в наше время еще остались места, про которые можно сказать "тут не ступала нога человека", то такое определение в здешних краях более всего применимо к Чукену. Его покой охраняет частокол крутых гор, размыкающих свою цепь только в устье реки. Течение в нем такое сильное, что даже удэгейцы, привыкшие ходить на шестах, и те не могут подняться вверх более чем на десять километров. Для моторок Чукен и вовсе непроходим из-за многометровых заломов, порогов и затяжных шивер. Берегом идти тоже невозможно: отлогие участки чередуются с отвесными неприступными прижимами. Даже мороз не может усмирить Чукен — зимой он весь покрыт частыми и обширными промоинами.

Удэгейцы объясняют это тем, что река берет начало от крупного теплого источника, бьющего из-под горы с кратким названием Ко. И лед, что местами все же покрывает реку, очень коварен. Сегодня он прочен, как гранит, а назавтра расползается, как гнилое сукно.

Эх, на вертолете бы туда! Построить на горном ключе, кишащем рыбой и зверьем, зимовье и наслаждаться красотами нетронутого уголка.

Так я стоял, любовался и мечтал минут десять. Было хорошо видно, как из-за островерхих гор крадучись выползали молочные клубы туч и обволакивали одну вершину за другой. Вдруг на противоположной стороне распадка отрывисто, хрипло рявкнул изюбр. Струхнув от мысли, что где-то неподалеку бродит тигр, торопливо съехал вниз на широкую террасу.

Здесь перед моим взором предстала несколько иная, живописная картина: сплошь утрамбованный снежный круг, раскиданное гайно кабанов и деревца, срезанные на высоте колена чем-то острым.

Тут же под кедрами лежали остатки чушки: челюсти и копыта. Все остальное было перемолото крепкими, как жернова, зубами и нашло приют в желудке тигра. После обильной трапезы царственный хищник нежился, барахтался в снегу, чистил когти - кора деревьев вся в свежих царапинах.

Очевидно, тигр напал на спящий табун ночью. Позже Лукса подтвердил, что по ночам, когда усиливающийся мороз не располагает ко сну, тигры охотятся, а днем, выбрав удобное место, чутко дремлют на солнцепеке.

Тигр, или как его здесь называют — куты-мафа, по традиционным представлениям удэгейцев — их великий сородич, священный дух удэ. Относятся они к нему почтительно и убеждены, что человека, убившего тигра, обязательно постигнет несчастье, а того, кто хоть чем-то помог ему, — ждет удача.

День пролетел так незаметно, что когда между туч показался оранжевый шар солнца, зацепившийся нижним краем за сопку, я глазам не поверил и, поспешно спустившись к ключу, быстрым шагом заскользил по накатанной лыжне.

Тяжело, медленно вставал рассвет над промерзшими мышцами хребтов. Когда на востоке затлела, разгораясь, неровная цепочка островерхих каменных зубцов, я уже шагал в сторону Маристой пади, где стояли капканы на приманку.

Как и прежде, во всех пусто, хотя к большинству хаток соболь все же подходил. "Любопытный, — раздраженно думал я. — Интересуется, видите ли. Нет, чтоб в хатку зайти". Но, поскольку все следы были трех, четырехдневной давности, я пришёл к выводу, что это наследил не местный, а ходовой соболь. Поэтому, сняв капканы, новые настораживать не стал.

На выходе из пади кто-то мотнулся через лыжню в чащу. Кабарга! Такая крошка, а прыгает словно кенгуру.

Мой наставник принес двух соболюшек. Одна темно-коричневая, другая значительно светлее. Добыты на одном ключе, а по цвету так резко отличаются и за тёмную он получит вдвое больше, чем за светлую, хотя тех и других ловить одинаково тяжело. Выходит, что охотник за один и тот же труд получает разную плату. Чем больше поймаешь темных соболей, тем больше заработаешь. Такая ценовая политика способствует осветлению расы. Особенно в тех местах, где соболя промышляют с лайкой: промысловик костьми ляжет, а возьмет "казака" — черного соболя, ибо получит за него в три-четыре раза больше, чем за светлого.

Вот это день!! Вот это удача!!! Лесные духи с несказанной щедростью одарили меня за упорство и долготерпение. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын. Степень моей радости легко представить, если вспомнить, что за прошедшие сорок пять дней колонок был единственным моим трофеем. А я, чтобы закупить всё необходимое снаряжение для промысла влез в огромные долги (полугодовой заработок ведущего специалиста) и уволился из крупной нефтяной компании. Зато сегодня… Но все по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, я с волнением зашагал проверять первые капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому. Но что это? Снег вытоптан, посередине лежит ветка, а капкана нет. Сердце екнуло: опять не повезло — оторвал потаск и ушел! Но, овладев собой, стал разбираться. Вижу, одиночный след пересек лыжню и потерялся среди опрятных елочек. Пригляделся. Да вот же он! Свернулся клубочком, положил головку на вытянутые задние лапы да так и застыл. На фоне снега пушистая, шелковистая шубка казалась почти черной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы покрыта короткой, более светлой шерсткой. Добродушная мордочка напоминала миниатюрного медвежонка. Хвост черный, средней длины. Лапы густо опушены упругими жесткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поражает своей несоразмерностью с величиной зверька. Он, пожалуй, даже крупнее следа лисицы, хотя размером соболь с небольшую кошечку.

Некоторое время я благоговейно созерцал предмет моих многодневных мечтаний и привыкал к мысли, что я (наконец!) поймал соболя. Потом, так и не сумев до конца поверить в свою удачу, вынул зверька из капкана, ласково погладил нежный мех и, счастливый, помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. А пятая опять заставила поволноваться. Снег вытоптан, тут же валяется перегрызенный пополам потаск. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашел его в соседней ложбине в щели между обнаженных корней кедра. Зверек так глубоко втиснулся между ними, что я еле извлек его. И вовремя – мышиный помет посыпался прямо мне в руки. К счастью, мех попортить грызуны ещё не успели. В седьмом капкане опять соболь. Эту ловушку я привязал прямо к кусту без потаска. Бегая вокруг него, соболь перекрутил цепочку восьмерками и оказался притянутым к кустарнику, как Карабас-Барабас бородой к сосне.

Оставалось еще два непроверенных капкана, но невероятная удача опьянила меня, и я, погрузившись в неуемные мечты и фантазии, уже не замечал ни свежих следов, ни новых тропок. Радость переполняла сердце. Мягкие теплые волны счастья несли, качали, дурманя все больше и больше. Я окончательно утратил чувство реальности и пожалуй был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако перед моим взором вновь предстала отрадная для промысловика картина: на том месте, где стоял капкан, вытоптана круглая арена, и на ее краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболь-самец кофейного цвета!

На обратном ходе проверил восемь капканов на приманку - пусто. Пустяки! Рюкзак и без того под завязку набит!

Вернулся с фартового путика пораньше, чтобы успеть приготовить достойный такого события ужин. Сварил мясо. Поджарил на сливочном масле четырех рябчиков с луком.

Подошедший вскоре Лукса поначалу был озадачен, увидев, что и ужин готов, и даже стол накрыт. Но когда я объяснил, наконец, причину торжества и достал весело булькающую фляжку, то радости его не было границ. Устроившись побыстрее у стола-чурки, он с чувством произнес:

— Пусть удача приходит чаще, ноги носят до старости, глаз не знает промаха!

Выпили, закусили.

- В жизни не ел ничего вкуснее, — похвалил он, досасывая трубчатые косточки рябчика.

Какая-то странная погода стоит последние дни. Ночь звездная, мороз 30-35°, а утром небо начинает заволакивать дымкой и временами сыплет пороша. К обеду становится так пасмурно, что кажется: вот-вот повалит настоящий снег, но к вечеру все постепенно рассеивается, ночью опять высыпают звезды и в лунном свете холодно блестит медленно падающий откуда-то сверху иней. Раньше при таком морозе я вряд ли снял бы

рукавицы. А тут пообвык - капканы-то голыми руками приходится настораживать. Натрешь руки хвоей пихты, чтобы отбить посторонние запахи, и работаешь. К вечеру пальцы от холода опухают и краснеют. В палатку возвращаешься насквозь промерзшим. Пока печь непослушными руками растопишь — не одну спичку сломаешь. При этом поневоле вспоминаешь рассказ Джека Лондона "Костер".

Но по мере того, как разгораются дрова, палатка оживает, наполняется теплом, и ты, только что все и вся проклинавший, оживаешь, добреешь, становишься благодушней. Сидишь усталый, расслабленный на спальнике и неторопливо выдергиваешь из спутавшейся бороды и усов ледышки, намерзшие за день. А когда вскипит чайник и выпьешь кружку сладкого душистого напитка, то уже готов любому доказывать, что лучше этой палатки и этого горного ключа нет места на земле.

Потом, немного отдохнув, начинаешь заниматься повседневными делами. Колешь дрова, приносишь с ключа воду, достаешь с лабаза продукты, моешь посуду, варишь по очереди с Луксой ужин, завтрак и обед одновременно. Обдираешь тушки. Чуть ли не ежедневно латаешь изодранную одежду, ремонтируешь снаряжение, заряжаешь патроны, делаешь записи в дневнике. После ужина говоришь с Луксой о планах на завтра и ныряешь в спальник до утра.

Спать при таких морозах в ватном мешке, конечно, не то, что в тёплом доме, но тут главное — правильно настроить себя, осознать неизбежность определенных неудобств. Тогда недостаток комфорта и тепла переносится значительно легче. Я, еще два месяца назад не представлявший, как люди могут зимой жить в матерчатой палатке, теперь считаю это вполне нормальным, а те трудности таежного быта, которые рисует воображение в городе, на самом деле не так значимы.

Имея жестяную печь, палатку, спальник, свечи и необходимые запасы, в тайге можно счастливо и безбедно жить не один месяц. А нужно так мало

потому, что есть главное - невероятной красоты дикая природа, с которой здесь сливаешься и самое древнее занятие мужчин – охота.

Только в тайге я понял, каким обилием излишеств окружила нас цивилизация. На самом деле, по-настоящему необходимых для жизни человека предметов не так уж много. Но, к сожалению, потребности человека, особенно горожанина, безграничны. То, что еще вчера было пределом его мечтаний, сегодня норма, назавтра же и этого становится недостаточно. При этом в погоне за материальным благополучием зачастую уже не хватает ни сил, ни времени на постижение духовных истин.

ШАТУН

Ни свет, ни заря начал обход Фартового путика, подарившего мне сразу четырех соболей.

Поднимаясь по ключу, заметил под козырьком снежного надува хорошо натоптанную тропку норки. Недолго думая, поставил ловушку. А на том участке, где я снял трех соболей, свежих следов больше нет — отработанная зона. Зато на приманку попалась белка. То, что белка иногда идет на мясо, я знал, но меня поразило, что эта шустрая симпатяга соблазнилась тушкой своей же соплеменницы.

У края небольшой мари устроился передохнуть на валежине. По небу плыли редкие облака, ярко светило солнце. Недалеко от меня на суку старой березы неподвижно сидела сова. Расстегнув футляр фотоаппарата, стал тихонечко подкрадываться к ней. Сова подпустила метров на двадцать и перелетела через марь на макушку ясеня. Когда я вновь приблизился к ней, она спланировала назад, на то же дерево, на тот же сук, с которого я спугнул её до этого. Мне думается, что общепринятое мнение о дневной слепоте "мудрой" птицы ошибочно. Возможно, днем она видит хуже, чем ночью, но все-таки видит.

Продлив Фартовый на четыре километра и насторожив там шесть капканов, спустился к ключу. Возвращаясь мимо снежного надува, увидел

норку, уже беснующуюся в ловушке. При моем появлении она устрашающе ощерилась, зашипела, впилась злобным взглядом прямо в глаза. Её длинное, мускулистое тело находилось в беспрестанном движении, отчего густая, темно-коричневая шубка отливала перламутром.

Когда я попытался прижать ее к снегу, норка с такой яростью бросилась на меня, что невольно подумалось — нет в тайге зверя страшнее. Я, признаться, даже растерялся перед ее безумной храбростью и неистовой решимостью драться с несопоставимо более сильным противником.

По дороге к палатке стрелял по вылетавшим из-под снега стайкам рябцов. Два замешкавшихся петушка морозятся теперь на лабазе. Могло быть и больше, если бы не очки: как вскинешь ружье, так линзы от влажного дыхания тут же покрываются изморозью. Боюсь, что они скоро доведут меня до того, что разобью их о первое попавшееся дерево.

За ужином рассказал Луксе о беличьем каннибализме.

— Так бывает у зверей, когда ум теряют, — подтвердил он. — Соболь соболя в капкане никогда не трогает. Но, помню, как-то один соболь к изюбру прикормился. Я, конечно, сразу капкан поставил. Прихожу проверять в дужках одна лапа. Вроде ушел соболь, но по следам вижу, нет, не ушел — другой съел. Снова капкан поставил. Опять съел. Я рассердился — не шутка, елка-моталка, два соболя потерял. Наставил везде капканов. На другой день прихожу — никого нет. На второй день — два рядом лежат. У одного лопатка выедена. И этого дурной начал есть, да не успел, сам попался. Рядом гора мяса, а он своих ест, елка-моталка. Совсем дурной был.

Громкое карканье возвестило о наступлении утра. Черные как смоль вороны слетелись на лабаз поживиться за наш счет. Пират и Индус, обычно разгонявшие их заливистым лаем, прятались от трескучего мороза в пихтовых гнездах, занесенных снегом. Но как только из трубы потянулась сизая струйка дыма, вороны скрылись в лесной чаще.

Мороз нынче потрудился на славу. Покрыл ветви невообразимо толстой искристой бахромой, сверкающей в лучах восходящего солнца. Над полыньями туман, густой и плотный, как вата.

Я сделал новый кольцевой путик вдоль левого и правого берегов Буге. Лыжня прошла верхом по самым крутым склонам. Поэтому он и получил у меня название -"Крутой". Повернул на обратный ход когда достиг водораздела Буге — Джанго. С него было хорошо видно, как в стороне Джанго дыбятся во всю ширь горизонта горные валы, подпирающие белыми, островерхими шапками густо-синий небосвод. Воздух здесь настолько чист и прозрачен, что, казалось — протяни руку и достанешь до одной из этих вершин.

Мимо проплывали облака, легкие и зыбкие, как миражи средневековых парусников. Следом по земле неотступно, как шакалы за добычей, крались их серые тени. Вдали виднелись отроги главного хребта, поражающего своей мощью. Все в нем завораживало, властно притягивало взгляд. Впоследствии всякий раз, когда первобытный контур этих скалистых вершин всплывал из глубин памяти, в сердце пробуждалась лавина воспоминаний и щемящее желание вновь взглянуть на вздыбленных дикой пляской каменных исполинов.

Стоит мне подняться в горы и попасть в холодный мир бесстрастных глыб, как охватывает необыкновенное волнение. Мысли очищаются, взлетают над обыденностью. Кажется, что отрезан от всего земного и перешёл в иное измерение, что еще немного — и постигну смысл быстротечной жизни, всеобщий закон мироздания. Здесь всё иное, даже воздух. Не тот вкус и запах. Это ветер континентов. Быть может, совсем недавно, он проносился над душными тропиками Индии или безбрежным ледяным панцирем Антарктиды. Ничто не пленяет меня так, как горы — самое потрясающее произведение Природы. Как точно подметил Владимир Высоцкий: "Лучше гор могут быть только горы..."

Пронизывающий ветер поторапливал к спуску. Новый путик порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Пожалуй, стоит снять большую часть капканов на приманку и переставить их сюда на подрезку.

Хотел посоветоваться на этот счет с Луксой, но он пришёл сильно озабоченный и опередил меня сообщением. что в четырех километрах от палатки появился медведь. Косолапый был настолько худ, что, пройдя по лыжне метров сто, провалил снег только в двух местах. На следах — пятна крови. Это шатун — зверь-смертник. Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе ни спокойной жизни, ни спокойной охоты не будет. Шатун ничего не боится. Он может разорить лабаз, залезть в палатку. Встреча с ним грозит трагедией — терять ему нечего. Так и так финал у него один — смерть.

К охоте готовились обстоятельно. Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик: "Хо-хо!" Я настороженно прислушался: что происходит?

— Хо-о... — глухо отозвались сопки.

— Лукса, что случилось? Зачем кричал? — обеспокоено спросил я, когда он вернулся.

— Ничего не случилось, — невозмутимо ответил охотник. — Прогноз радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмем, — заключил он уверенно.

Легли поздно. Я никак не мог заснуть. Долго тяжело ворочался в темноте. Сон был тревожный, томительный. Преследовал кошмар про исполинских мышей, загонявших разъяренного тигра к нам в палатку. Несколько раз вставал. Топил печь. Под утро, наконец, забылся.

Было еще темно, когда Лукса тронул меня за плечо. Жидкий рассвет едва забрезжил. За ночь действительно выпал хоть и небольшой, но пушистый снег.

Я натягивал меховые носки, когда совсем рядом, за тонким брезентом палатки, раздался душераздирающий собачий визг. Тут же послышался

злобный лай. Необутые, едва успев схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше все произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

Не успел я оглядеться, как громыхнул выстрел. Бросившись за палатку, увидел метрах в двадцати бурого медведя, который отбивался от наскакивающего на него с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко увертывалась от когтистых лап. Рядом с медведем лежал окровавленный Индус.

Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. По глухим шлепкам мы поняли, что пули достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько неуверенных прыжков, обмяк, сдавленно охнул, повалился на бок и затих без агонии.

Пират стремглав подскочил к медведю и, давясь от ярости, злобно рванул шкуру на загривке, но, увидев, что тот не реагирует, успокоился.

Зверь лежал, оскалив зубы, без признаков жизни. Вялые уши говорили о том, что косолапый мертв, но Лукса на всякий случай выстрелил еще — медведь не шелохнулся. А меня запоздало начала трясти мелкая дрожь, которую я никак не мог унять.

По обычаям удэгейцев, убив медведя, об этом прямо не говорят. Поэтому мне были понятны слова Луксы:

— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошел отдыхать в нижнее царство.

В горячке, мы забыли, что выбежали в одних носках, но холод быстро напомнил об этом и погнал в палатку.

Одевшись, осмотрели добычу. Это был здоровенный, но чрезвычайно костлявый самец, истощенный до такой степени, что кожа свисала складками. Темно-бурая шерсть местами слиплась от смолы. Голые, неприспособленные к морозам ступни потрескались и кровоточили.

Наша радость несколько омрачилась гибелью Индуса. По следам восстановили картину происшедшего. Шатун по лыжне вышел к палатке. Не

слежавшийся пушистый снег хорошо скрадывал звуки его шагов. Осторожно прокрался под берегом к ничего не подозревавшим собакам. Сделав два молниеносных прыжка, страшным ударом лапы разрушил пихтовую конуру, размозжив череп Индусу. Схватил добычу и опрометью бросился обратно в лес. Но уйти ему помешал ринувшийся вдогонку Пират.

— Молодчина! Не спасовал, — ласково потрепал промысловик пса. Тот от переполнившего его счастья лизнул хозяину руку и заносился по стану взад вперёд, захлёбываясь радостным лаем.

Лукса острым ножом виртуозно "расстегнул" шубу медведя одним махом от подбородка до паха, и, сняв шкуру, мы принялись разделывать тушу. Но вскоре бросили эту работу, так как увидели, что мясо сплошь поражено длинными узкими, полупрозрачными глистами. Стало ясно, отчего медведь не сумел нагулять достаточно жира.

— Давай пустим косолапого на приманку – чего зря мясу пропадать, — предложил я.

— Соболь плохо на медведя идет. Заваливай снегом, — не согласился Лукса.

Бывалый охотник вырезал у доходяги только желчный пузырь, который удэгейцы используют при кашле, расстройстве живота. Пьют желчь свежей или, высушив в сухом тепле, растирают в порошок и употребляют по щепотке. Я же взял себе на память когти длиной почти восемь сантиметров.

После всех треволнений на охоту решили не ходить, и посвятили день нашей извечной проблеме — заготовке дров. Накололи их огромную кучу. Иные поленья были испещрены узкими каналами, впадающими в просторные "комнаты", в которых черными комками лежали смерзшиеся муравьи. Трудно поверить, что весной в них проснется жизнь и шустрые работяги снова заснуют по лесу.

Я положил одно полено возле печки, и мы весь вечер наблюдали, что произойдет с муравьями, когда они согреются. Но, увы, резкое тепло не вывело их из оцепенения.

После ужина обдирали соболей. Дело это требует определённого навыка и у меня обработка всего лишь одной шкурки отняла два часа напряженного труда. Отремонтировал сломанный капкан. На нем не было язычка. Отковал его на обухе топора из раскаленного гвоздя.

Пока занимались всем этим, свечка успела прогореть до основания. Я заметил, что в морозную погоду она горит медленнее и одной хватает на три дня. И это понятно — парафин на холоде плавится только в лунке у фитилька, и "сосулек" из расплавившегося, не успевшего сгореть парафина, не образуется. Поэтому свечку лучше всего устанавливать подальше от печки, на небольшой высоте, но и не слишком низко, чтобы не ухудшать освещенность.

Под впечатлением благополучно завершившейся схватки с шатуном Лукса между делом вспоминал, как они в молодости с Митченой за осень по семь-восемь медведей с собаками брали. Некоторые достигали веса двенадцати косуль. Нетрудно подсчитать, что это порядка четырехсот килограммов. Особенно много косолапых водилось в верховьях Хора и Чуев. Да и мы сами с Юрой во время перехода Самарга-Чуи прямо на водораздельном хребте видели хорошо набитые медвежьи тропы с глубокими, до самых каменных плит вмятинами от множества ступавших лап.

— Лукса, вот ты говоришь, немало медведей добыл. Расскажи что-нибудь интересное.

— Почему не рассказать. Всякие истории случались...

Тут он красноречиво замолчал и, искоса поглядывая в мою сторону, принялся подкладывать в печь кедровые поленья. Лукса явно ждал, когда я полезу в карман куртки за карандашом и блокнотом. Чувствовалось, что ему нравится, когда я записываю его истории. Увидев, наконец, блокнот на моем колене, удовлетворенно хмыкнул и, глядя в огненный зев печурки, начал говорить:

— Гнал я как-то соболя. Долго он меня мотал. Наконец выдохся — под корни залез. Я сгоряча палкой туда и тычу во все стороны, а соболь уже

вылез с другой стороны и косогором ушел. Ругнул себя и за ним. Тут сзади кто-то как рявкнет и по ногам трах! Я в снег головой упал. Слышу, вокруг топчется, пыхтит, обнюхивает. Лежу, не шевелюсь — сообразил, что медведь. Толстозадый походил-походил, понюхал и ушел. Берлога у него там была, елка-моталка, а я его палкой.

При этом Лукса так потешно изобразил, как он дырявил топтыгина, что я, сотрясаясь в беззвучном смехе, едва вымолвил:

— Ох, и мастер ты сочинять!

— Зачем сочиняю. Правду говорю. Все так было, елка-моталка, — обиделся охотник и, нахмурившись, взялся точить и без того острый, как бритва, нож.

— Не обижайся, Лукса. Знаю, ты никогда не обманываешь, — примиряюще сказал я, но уж больно история неправдоподобна.

— Ого! Не то ещё бывает. Сам иногда удивляюсь — думаешь одно, выходит другое. Зверь-то разный. Не всегда угадаешь, что у него в голове. Ты Джанси знаешь?

— Это, у которого указательный палец на правой руке не сгибается? Торчит, как дуло пистолета.

— Ага. Его Пистолетом и зовём. С ним тоже случай был. Нашли они с Удзали берлогу бурого за Коломинкой. Джанси длинным шестом медведя будил. Тот заревел, выскочил – и на Джанси. Удзали стрельнул, но промахнулся и удрал со страху. Я всегда говорил: Удзали — трусливый человек! Джанси карабин схватил и падая, успел нажать спусковой крючок. Медведь заревел, придавил Джанси. Тот память потерял. Очнулся — медведь рядом лежит, стонет. Карабин торчит в сугробе. Потянулся Джанси за ним. Косолапый заметил лапой по башке огрел. Пистолет снова память потерял. Пришел в себя и опять за карабином, а медведь не дает—опять по башке дал. Да не так сильно — ослаб уже. Дотянулся Джанси, затвор передернул и сразу пригрохнул. А ты говоришь, привираю, Однако шибко повезло Пистолету. С бурым шутки плохи. Лучше с гималайским дело иметь. Он спокойнее и мясо

вкуснее. Шатуном никогда не бывает. Всегда жир нагуляет. А бурый шибко злющий, когда разбудишь. Даже тигр ему не командир.

К сожалению, детям через сказки и книги дается неправильное представление о многих животных: медведь-увалень неуклюжий, заяц — трус, а волк — отчаянно смелый людоед. На самом деле это не так. Медведь ловок и силен необыкновенно, чему мы и сегодня были свидетелями, а волк человека больше любого другого зверя боится. Даже лыжню другой раз обходит. Репутацию лютого и кровожадного зверя, крайне опасного для человека, прочно завоевал, даже в части специальной литературы, и тигр, но, если обратиться к фактам, то оказывается, за последние четыре десятилетия в этих краях не было ни одного случая неспровоцированного нападения амурского тигра на человека. А, что же касается кровожадности, то Лукса утверждает, что куты-мафа, когда сыт, не трогает зверей, даже если они проходят на расстоянии прыжка.

Позади половина сезона. Подошел к этому рубежу с весьма скромными результатами – сорок процентов к плану, но успехи последних дней обнадеживают. Вчера на Фартовом снял еще одного соболька. Настоящий «казак»: черный, седина серебром отливает. Он так глубоко забился в узкую щель под валежиной, что пришлось топориком расширять её. А сегодня утром, перед выходом на путик загадал: "Если сниму еще одного, то и сезон завершу удачно". Я же снял трех! Правда, третьего мыши успели подпортить — на спине мех малость выстригли.

Мог бы записать на свой счет и четвертого, да подвел вертлюг. Цепочка соскочила, и соболь ушел вместе с капканом. Битый час пытался найти его, но безуспешно. Жаль зверька. Для него ведь капкан все равно, что двухпудовые кандалы человеку. Выживет-ли с ним?

Повстречал след-траншею кабана, на котором сбоку лежали комочки снега, пропитанные кровью и светло-зеленой жидкостью. Сейчас у секачей гон, они

очень агрессивны и безжалостно бьются друг с другом из-за чушек. Возможно, что этот пострадал в одном из сражений.

Резко похолодало. Выйдя утром из палатки, я чуть не задохнулся от мороза. Придавив толстым поленом вход, пошел осматривать путик. Внезапно мимо с быстротой молнии пронесся какой-то зверь. От неожиданности я вздрогнул, а, разглядев, улыбнулся: из-за кедра, жизнерадостно виляя хвостом, победоносно взирал Пират. Отвязался-таки шельмец. Что же делать? Собака на капканном промысле только вредит — все следы и тропки затаптывает.

Попытался подозвать — не идет. Знает, что опять привяжу. Пришлось возвращаться обратно и топить печь. Минут через пятнадцать Пират, наконец, поверил, что я никуда не собираюсь, и подошел к палатке. Я подманил его мясом и, крепко привязав, побежал наверстывать упущенное время. Жалобный вой еще долго оглашал тайгу, действуя мне на нервы и распугивая зверей в округе.

В этот день ходил по Крутому, но, к сожалению, Пудзя не захотел поделиться своими пушными богатствами. Зато появились свежие тропки, а это надежда на успех в будущем. Расставил восемь капканов. Пока настораживаешь и маскируешь ловушку, коченеешь. Мороз студит кровь, подбирается к сердцу. Невольно думаешь: "Пропади все пропадом. Не пойти ли лучше в палатку, попить чайку с сахаром". Но пробежишься, согреешься и при виде заманчивой сбежки, забываешь обо всём и опять в азарте, уж тут-то обязательно попадётся, ставишь ловушку.

Взобрался на вершину кряжа, покрытого кедрачом. Иные старцы такие громадные, что и втроем ствол не объять. Неожиданно справа кто-то закопошился. Я затаился: прямо из снега вылетали прелые листья, золотистые чешуйки, а вот и сама копуша- белка с кедровой шишкой в лапках. Съела два орешка и хотела взобраться на дерево, но, видимо учуяла меня и замерла возле комля, распушив хвост. Я прицелился чуть выше головы. Выстрел оказался удачным - попало всего две дробинки. Положил

добычу в рюкзак и пошел дальше. Тотчас на другом кедре зацокала подруга. Вскоре и она легла рядом с первой.

Мне, можно сказать, подфартило, так как в этих местах белка малочисленна. Даже с хорошей собакой больше пяти-шести за день не добудешь.

Когда укладывал добычу в рюкзак, из небольшой ложбины донесся истошный крик, похожий на верещание колонка. Во весь дух помчался туда, но ничего не обнаружил. Только филин бесшумно проскользнул над головой. Будь потемней, я и его не заметил бы. Настоящее привидение, а не птица!

До стана оставалось не менее километра, а в морозном воздухе уже чувствовался запах дыма. Я не первый раз замечал, что нос улавливает его на расстоянии многих сотен метров. Вначале я был склонен думать, что это самообман, подобный слуховым или зрительным галлюцинациям, но каждый раз, приходя в палатку, видел, что Лукса действительно давно топит печь. Не берусь утверждать, но, скорее всего, при длительном пребывании в тайге, на чистом воздухе нос человека способен улавливать запахи на весьма значительных расстояниях.

После ужина сели обдирать добычу. Я — белок, а Лукса — норок. Одна из них уже побывала в капкане, но, пожертвовав лапкой, ушла. Насколько сильной должна быть тяга к свободе и жизни, чтобы решиться на такое. Прошло не более двух недель — култышка едва заросла, но зверек уже успел потерять осторожность и повторно угодил в ловушку.

ОДО АКИ

Декабрь трудится изо всех сил. Третью неделю стоят небывалые морозы. Воздух лежит неподвижным тяжелым пластом. Слабые лучи низкого зимнего солнца не в силах разбудить остекленевшей тайгу. Но, несмотря ни на что, к полудню всё-таки просыпаются, оживают ее обитатели. Они хорошо приспособлены к жизни в студеную пору.

Особенно холодно сегодня. В лесу гремит настоящая канонада: это лопаются от стужи стволы деревьев. После этих выстрелов во все стороны несётся раскатистый свистящий шелест.

Весь световой день ходил по целине. Бил еще один путик к истокам Буге в надежде найти более богатые угодья. Соболь там действительно есть, но все же в среднем течении его куда больше.

Чем выше поднимался по ключу, тем чаще попадались наледи. Наледь — явление характерное для горных ключей. Зимой, во время сильных морозов, многие из них промерзают до дна, и грунтовая вода дымящимися родничками просачивается на поверхность льда, разливается вокруг, намерзая слой за слоем. Так со временем образуются обширные ледяные поля, заливающие порой всю долину на высоту до полутора метров. По их краям зачастую мощно увидеть красивые бугристые ледопады. Иные наледи, не успевая растаять весной, белеют среди зелени чуть ли не до июля.

В верховьях уклон становился всё круче. Стены ущелья постепенно сближались. Горы едва расступались, пропуская ключ, сбегавший по ступенькам обледенелых водопадов, под которыми летом кипели водобойные котлы, напоминающие вырезанные искусной рукой каменные чаши.

Обходя сошедшие со склонов снежные лавины, я вынужден был петлять от одной «щеки» теснины к другой. На склонах не было видно ни одного кедра. Только сумрачные ели и пихты окружали меня. Тайга здесь сохранила свой девственный облик, но животный мир был беден. Снежный покров не оживляли наброды изюбрей, кабанов, косуль. Одна лишь кабарга здесь чувствовала себя полновластной хозяйкой. Даже ветер был тут редким гостем. Поэтому и снег как лег с осени на деревья, так и лежит — толстый, слоистый, словно кабанье сало. Этот путик я нарек "Глухим".

Если верить термометру, сегодня утром было минус сорок три градуса. Недаром про здешние места говорят: "широта крымская, да долгота колымская". В морозные дни больше всего ногам достается. Пока ставишь

капкан, они застывают до бесчувственности, и потом идешь как на деревяшках до тех пор, пока горячая кровь вновь не достигнет пальцев и не оживит их.

По снежному склону скользнула сверху вниз чья-то тень. В общем-то, явление привычное – обычно это кухта - комки снега часто срываются с ветвей даже в безветренную погоду. И я не обратил бы на нее внимания, если б не странная траектория – тень двигалась наискосок. Мгновенно обернувшись, увидел планирующую летягу.

Зимой этого необычного зверька я видел впервые, хотя помет у комлей деревьев встречал часто. Это и понятно: летяга ведет ночной образ жизни. Вспомнилось, как вечерами во время летних походов мы с Юрой, сидя у костра, наблюдали, как летяга, прижавшись к стволу дерева, замирает и подолгу неотрывно смотрит на пламя. На округлой головке этого тёмно-серого с серебристой остью зверька выделяются несоразмерно крупные, выпуклые глаза черного цвета.

Внешностью и повадками она похожа на белку, но отличается тем, что по бокам тела между передними и задними лапками имеются складки кожи, покрытые шёрсткой. Летяга не прыгает по деревьям, как ее родственница, а, забравшись по стволу на вершину, бросается вниз, расставив лапки. При этом кожаные складки расправляются наподобие крыльев. В полете летяга исполняет крутые замысловатые виражи, и, снижаясь по прямой, пролетает до ста метров.

Из специальной литературы мне было известно, что и соболь ведет ночной образ жизни. Но как тогда объяснить сегодняшнее ?

Утром в нижнем течении ключа свежих следов не было, а к вечеру появились зигзагообразные строчки мышковавшего соболя. В том, что зверек ходил после меня, не было сомнений, так как отпечатки появились прямо на лыжне. Скорее всего, соболя более пластичны, и их активность зависит от погоды, наличия пищи и других причин. Лукса, например, считает, что светлые соболя охотятся днем, а темные — ночью. В этом суждении,

возможно, есть резон, так как солнечные лучи действительно сильно разрушают темный пигмент.

К утру выпала "печатная" пороша. Одна из тех, когда оттиски следов, оставляемые на мелкой снежной пыльце, так четки, что, кажется, приглядись, и увидишь тень прошедшего животного.

Моя меховая копилка пополнилась половинкой самца шоколадного цвета — вторая, как нетрудно догадаться, досталась мышам. Беда от этих пакостниц! Но что делать, приходится мириться, ведь не будь их, тайга сильно оскудеет, поскольку они — основная пища пушных зверьков.

А впереди меня ожидал приятный волнующий сюрприз. Было сравнительно тепло, и снег почти не скрипел. Мое внимание привлекло черное возвышение, резко выделявшееся на белом снегу. Кабан? Вертлявый хвостик развеял сомнения. Точно — кабан! Поодаль, в низинке виднелось еще несколько темных спин. Табун спокойно пасся на хвоще.

«Горка» зашевелилась, показалась длиннорылая голова с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, кабан замер, потом голова опять исчезла. До моего слуха донеслось невнятное чавканье.

Тихонько снял ружье, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и в неописуемой панике, оглашая тайгу пронзительным визгом, рассыпался в разные стороны. А раненый зверь, волчком завертевшись на месте, поднял такой смерч снежной пыли, что на некоторое время скрылся из глаз.

Осторожно подойдя поближе, я выпустил еще две пули. Жизнь не хотела покидать сильное тело. Щёлкая клыками, секач попытался приподняться, но упал. И только когда я выстрелил в голову, затих.

Поняв, что кабан убит, я ошалел от радости. Немного успокоившись, осмотрел добычу. Это был матерый секач. Большое клинообразное тело покрывала жесткая черно-бурая щетина, особенно длинная на загривке. Густая подпушь защищала от морозов. Грозно поблёскивали две пары желтоватых клыков. Нижние трехгранники, изогнутые как турецкие сабли,

торчали из челюсти на все двадцать сантиметров. Верхние, более короткие, были загнуты настолько круто, что, соприкасаясь с нижними, заточились до остроты ножа.

Пока кабан не остыл, немедля начал свежевать. Дело это оказалось непростым, так как к началу гона у самцов под шкурой образуется хрящ или, как говорят охотники, — "броня". Она защищает вепря от ударов клыков соперников. Сняв, наконец, шкуру, положил в рюкзак кусок ляжки, печень и сердце. Все остальное разделил на части и засыпал снегом. Охотничья удача сняла усталость. К стану шел легко и быстро.

Лукса закряхтел от удовольствия, узнав, что я принес свеженины. По-быстрому обжарили мясо, печень, сварили бульон и сели пировать. Сквозь поджаристую корочку соблазнительно сочились янтарные капли жира, подогревая и без того волчий аппетит. Сковородка быстро пустела. Последний кусок Лукса бросил собаке:

— Держи, Пиратка. Может, твоего обидчика едим. — И, повернувшись ко мне, пояснил: — Прошлый год один секач ему брюхо распорол. Думал, пропала собака, елка-моталка. Хотел пристрелить. Ружье поднял, а он смотрит преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принес. Снял с лабаза полосу сухожилий. Наделал ниток. Пасть стянул веревкой, чтоб не кусался, и заштопал брюхо. Заросло.

— Молодец, живучий, — погладил я Пирата по загривку. — Лукса, а сухожилия ведь толстые, как же вы из них нитки делаете?

— Что непонятного? Высохшие жилы видел? Они на тонкие стрелки сами делятся. Бери их и скручивай нитку. Хорошие нитки с ног получаются. С хребта тоже неплохие, но слабже.

Было уже около десяти вечера, когда Пират насторожился и, повернув голову к реке, заворчал. Мы прислушались. Через минуту донёсся приближающийся ритмичный скрип легких шагов. Возле палатки они замерли.

— Кто там? — спросил я встревожено.

— Своя, своя люди, — негромко и спокойно ответил по старчески дребезжащий голос. Было слышно, как пришедший тщательно отряхивается от снега.

— Нибида эмэкте*? — повторил вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся и в черном проеме показался удэгеец. Я сразу узнал вошедшего, хотя шапка-накидка, редкие усы и бородка были покрыты густым инеем, белизна которого резко контрастировала со смуглой кожей и карими глазами вошедшего. Это был Одо Аки - дедушка Аки. Губы его, склеенные морозом, разошлись в приветливой улыбке.

- Багдыфи**! Би*** мал-мало гуляй. Отдыхай ноги надо, - на смешанном языке тихо проговорил он.

- Багдыфи, багдыфи, - ответил Лукса.

Я пересел к выходу, подбросил дров в печку. Аки устроился на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдергивать из бороденки ледышки.

- Ноги туда-сюда мало стали ходи, - посетовал он.

Я сочувственно кивнул, а про себя подумал: "Вот это "мало ходи" - в семьдесят восемь лет прошел двадцать пять километров от своей зимушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!"

Переведя дух, Аки разделся. Улы и верхнюю одежду закинул на перекладину сушиться. Лукса налил ему наваристого бульона, достал из кастрюли мяса и подал кружку с разведенным спиртом. Узенькие глазки старика сразу оживились, заблестели:

— Айя! Асаса! ****Однако не зря ходи к вам.

Приняв "разговорные капли", он совсем повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с по-детски ясной и чистой, как

---

* Нибида эмэктэ? (удэг.) – Кто пришёл?
** Багдыфи (удэг.) – Здравствуйте!

*** Би (удэг.) – Я.
**** Айя! Асаса! (удэг.) – Хорошо! Спасибо!

ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов Уссурийского края, которых описывали ещё первые исследователи. В его суждениях отражалась история и мировоззрение маленького лесного народа. (Лукса был на двадцать два года моложе. Его поколение уже во многом утратило самобытность своего племени.)

Познакомился я с Одо Аки в Гвасюгах еще до начала охотничьего сезона, когда пополнял свою этнографическую коллекцию. К тому времени у меня уже были интересные приобретения: копья разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения; охотничья шапка-накидка и ножны, сумочки расшитые разноцветными узорами. Прежде удэгейцы на своей одежде всегда вышивали цветные орнаменты с тонким изящным рисунком. Глядя на них, не перестаешь восхищаться мастерством и высоким художественным вкусом удэгейских вышивальщиц. Колоритнейшие вещи! К сожалению, в Гвасюгах осталось всего несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения теперь вышиванием почти не занимались. Вобщем находок было немало, но я лелеял надежду обогатить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубен в стойбище был только у Аки.

Идти к местному старейшине и шаману одному было неловко и я уговорил Луксу проводить меня. Постучались. Открыла хозяйка и провела нас в дом. Одо Аки сидел на низкой скамейке и укладывал сухую мягкую травку хайкта в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто. На мою просьбу ответил категорическим отказом и даже убрал с полки сэвохи - деревянные изображения удэгейских духов. И только после долгих переговоров с Луксой он согласился лишь показать бубен.

Достав берестяной, в форме овала, чехол из шкафа, одо вынул из него свою реликвию. Любовно погладил тугую с заплатами кожу и несколько раз с расстановкой ударил по ней подушечками пальцев, жадно вслушиваясь в вибрирующие звуки. Мы притихли.

Держа бубен на весу, с помощью двух скрещивающихся на середине ремешков, сплетенных из сухожилий, старик погрел его над плитой – кожа натянулась как мембрана. Взял в руку гёу — кривую колотушку, обтянутую шкурой выдры и начал священнодействовать. Раздались звуки низкие, мощные. На душе стало тревожно. Мной овладело смятение и странная готовность повиноваться, идти туда, куда позовет этот потусторонний гул. Казалось, я слышу зов предков, давным-давно ушедших в иные миры.

Убедившись, что Аки с бубном не расстанется, мы извинились и попрощались. Уже на улице Лукса рассказал мне, что в Гвасюгах не раз бывали всевозможные экспедиции, но этот бубен Аки так и не отдал никому и продолжает потихоньку шаманить.

Забегая вперед, скажу, что весной после охоты все же удалось уговорить Аки, и он отдал мне свой бубен. Последний бубен последнего удэгейского шамана. А в конце следующего сезона Одо перекочевал к "нижний люди": вышел из своей зимушки рубить дрова, взмахнул топором и упал навзничь — сердце остановилось. Вероятно и бубен отдал, предчувствуя скорую "перекочевку".

Теперь эта реликвия висит у меня в комнате под черепом медведя. Иногда я снимаю бубен и, слушая глухие призывные звуки, вспоминаю одо Аки.

Всему этому суждено будет произойти в будущем, а сейчас мы сидим в тесной палатке возле раскалённой печурки.

Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Достал сахар. Аки от него наотрез отказался:

— Чай вкус теряй, — заявил он.

Пили долго, не торопясь. Я расспрашивал Одо о его жизни. Великолепная память старика хранила много любопытного.

Он в мельчайших подробностях описывал события полувековой давности, помнил названия речушек и перевалов, по которым ходил еще в начале века.

Когда разговор коснулся тигров, Аки пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Прошлый охота два ел. Теперь последний чуть-чуть не давил. Моя увидел — ушел. Страх любит собака. Собака ест — пьяный ходи.

— А как вы думаете, Аки, почему тигр на человека перестал нападать?

— Моя так понимай: люди закон прями, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — свой закон прими.

От такой наивности я улыбнулся. Аки пристально посмотрел на меня.

— Почто смеешься? Твоя не знай, как куты-мафа люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, все понимай...

Действительно, почему тигр изменил свои старые повадки? Ведь в 19 веке амурский тигр (кстати, самый крупный среди своих собратьев) нередко был "волен" по отношению к человеку и, хотя избегал его, не считал двуногого неприкосновенным. При появлении переселенцев из Украины и центральных областей России, имевших хорошее огнестрельное оружие, но не знавших повадок тигров и потому стрелявших в них без всякой на то необходимости, иные обозлившиеся хищники стали буквально терроризировать обширные районы, поражая дерзостью и хитростью. Спасаясь от них, люди бросали свои хозяйства, уезжая подальше от владений людоеда. Отчаянная смелость некоторых зверей доходила до того, что они врывались ночью в избы и нападали на спящих людей.

В результате активной охоты на всей огромной территории Дальнего Востока тигров осталось не более трех десятков. Тогда, в конце сороковых годов 20 века, и был принят закон о полном запрете охоты и охране гордости Уссурийской тайги. Со временем могучий хищник как будто переродился. Исчезли людоеды, реже стал страдать и домашний скот.

В чем причина изменения отношения тигра к человеку? Можно предположить, что те немногие, оставшиеся в живых к пятидесятым годам, потому и уцелели, что именно они из сотен своих сородичей четко усвоили, что человек опасен и, если хочешь жить, благоразумней всячески избегать

стычек с ним. Эта черта поведения постепенно закреплялась и генетически передавалась потомству, став отличительной особенностью всего амурского подвида. Стало быть, рассуждения Аки не так наивны, как кажется на первый взгляд.

После чая старик вкрадчиво спросил у меня, дружески подмигнув:

— Ай бё?*

Это выражение мне было знакомо и перевода не требовало.

— Анчи, анчи. Элэ! **— твердо ответил я, зная, что если стариков вовремя не остановить, то они будут бражничать до утра, а днем стонать от головной боли.

Покурив еще раз, охотники опять принялись за мясо. Аки ел, облизываясь, смачно причмокивая, обсасывая каждую косточку, но обиженный на меня, бурчал:

— Не мог чушка убивай. Секач деревом пахни.

Мне не хотелось спорить. Я радовался замечательному трофею — великолепным клыкам. Позже с помощью мелкой ножовки я распилил с обеих сторон гнезда, в которых они сидели, и, вынув их, измерил по наружному изгибу. Двадцать семь сантиметров! Настоящие бивни!

Но стариков терзали совсем другие мысли. Лукса, уже изучивший мой характер, начал издалека.

— Слыхал, на севере якуты огненный гриб жуют. С собой носят в кожаном мешочке.

— Какой такой гриб? — изумился Аки.

— Мухомор сушеный. Не всякий. Серый, кажется, годится. Захотел веселиться — пожевал. Говорят, лучше водки — голова утром не болит.

— О, шибко хорошо!

---

* Ай бё (удэг.) – водка есть?

** Анчи, анчи. Элэ (удэг.) – Нет, нет. Хватит.

— Вот ты, Аки, — продолжал Лукса, — кабана ругаешь, а зря. Хороший кабан. Такого большого кабаньего сердца я еще не видел. Ты, Аки, наверно, тоже не видел.

— Чего так говори? — запальчиво возразил старик, но Лукса успел перебить его:

— Очень большой кабан. Давай, Камиль, выпьем за самого большого хорского кабана, — и с чувством поднял пустую кружку.

Аки, так и не поняв замысел товарища, насуплено сопел:

— Какой большой? Много больше гляди.

— Ох и хитрый шеф у меня, — засмеялся я, уступая.

— Хитрецы в стойбище спят, а дураки в лесу сидят, — довольно хихикнул Лукса.

Аки, оценив, наконец, ситуацию, преобразился, нетерпеливо заерзал и, что-то бурча набитым ртом, стал искать глазами кружку:

— Твоя молодец, Камиль! Асаса! — примиряюще сказал он, выпив свою долю. — Беда, как хорошо. Дай, однако, табачку, моя кончался.

Воспользовавшись переменой настроения Аки, я, подавая коробку "Золотого руна", спросил:

— Аки, как вы думаете, в чем секрет целебной силы женьшеня?

Подобревший старик не замедлил с ответом:

— Женьшень корень ученый. Долго живи — много знай. Своя сила хороший люди дари. Плохой люди не дари. — Раскуривая трубку, старик ненадолго примолк. — Одна ночь, — продолжал он, — цветок ярко гори. Эта ночь корень копай — любой болезнь лечи. Умер — живой делай. Однако, эта ночь корень трудно копай. Дракон корень береги. Только смелый дракон победи.

Беседовать с Аки доставляло большое удовольствие. Опытный промысловик, знающий буквально всё о повадках животных, народный целитель, шаман своего племени, обо всем остальном он имел наивно-детское представление.

— Аки, вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал он.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски. Старик понимающе закивал:

— Я так знай: умри — плохой люди под земля ходи, хороший люди - небо ходи. Там все живи. Река, тайга, звери. Только обратно живи. Старика молодой делай. Моя скоро туда ходи. Котомка готовил.

— А как же вы попадете туда?

— Лыжня знай.

— Какая лыжня? — не понял я.

— На небе звездная лыжня замечал? Один конец к нижний люди, другой к верхний, — вмешался Лукса.

— А я вот слышал, что у вас умерших на деревья кладут.

— Зачем деревья? Земля ложи. Деревья только детка ложи. Земля детка ложи — мамка больше детка нет. Мамка роди — сильно кричи, — продолжал разговорившийся Аки, — маленький юрта ходи. Одна промышляй. Шибко трудно роди. Моя старший мамка умри, детка умри.

— Так это у вас вторая жена?

Аки внимательно посмотрел на меня сбоку.

— Мужика всегда два мамка бери. Самый худой мужика одна бери, — ответил старик. — Зачем так говори? Одна!

Поняв, что обидел старика, я постарался отвлечь его, сменив тему разговора.

— Аки, а вы к какому роду принадлежите?

— Киманко я. Лукса — Кяляндзюга. На Хоре два рода. Больше нет. Раньше люди много живи. После худой болезнь умри. Кто один тайга живи - живой ходи.

— Зато прежде зверя, наверно, больше водилось?

— О! Беда как много, — возбужденно закивал старый охотник. — Кабан, олень, куты-мафа, медведь шибко много. Только соболь мало. Сангми* делай. На большой зверь — большой сангми — “пау” делай. Ружьё дорогой, не купи. Зверя много, ружья нет — кушай мало.

— А сколько же вы в те времена соболей добывали?

— Говорю, мало соболь живи. Два-три лови. Больше не лови. Соболь перевал живи. Шибко трудный охота. Один год пять лови. Второй мамка бери. Думал – новый котел, топор купи. Хуза все брал. Что делай без ружья?!

Проговорив так допоздна, легли спать. А я еще долго лежал, переживая заново события памятного дня.

Часть II

...Узнав тайгу, нельзя забыть ее.

Ю. Сотников

ХУДАЯ ВЕСТЬ

Старики ушли в стойбище встречать Новый год. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских дружков. Мне же не до праздников. Нужно работать и работать. План горит. Но новых следов мало. За два дня нашел всего четыре тропки.

Все же до чего хорошо, что у нас есть зима, ложится снег, трещат морозы. Жителям жарких стран я нисколько не завидую. Никакого разнообразия — круглый год одно и то же — бесконечное лето, без всякой передышки. А ведь, не познав холода, трудно по достоинству оценить тепло.

И осмелюсь не согласиться с утверждением, что зимой в тайге жизнь замирает. Бесспорно, летом она богаче, многообразнее, но зато менее доступна взору. Это только на первый беглый взгляд зимняя тайга сурова,

* Сангми (удэг.) - самострел

угрюма и ничего в ней не меняется. Наблюдательный же человек замечает много перемен даже в течение одного дня. Зимой всё, как на ладони - ничего не утаить, не скрыть никакой тайны. Росписи на снегу расскажут всё до мельчайших подробностей. Каждый след, каждая тропка как увлекательная история. Мы и сами в окрестностях Буге довольно много наследили. Если посмотреть сверху, то вся тайга словно пирог, изрезана на мелкие ломтики колеями от наших лыж. Следы эти сейчас зримы, вещественны, но пригреет солнышко, и они исчезнут.

Порой то же самое случается и в жизни. Доживет человек до глубокой старости, а умрет - никто и не заметит. Исчезнет - словно снег растает. Другой же и проживет и половины отпущенного срока, а люди долго с благодарностью вспоминают о нём. Быть может, это и есть счастье, когда знаешь, что после тебя остается не «снежный след», а прочный добрый и долгий след в людской памяти.

Предновогодний день посвятил Крутому. Там, на хороших тропках, стояли две ловушки. По обеим соболя прошли, по в одной пружина от мороза лопнула, а другая, хотя соболь и наступил на тарелочку, вообще не сработала. Тут я сам сплоховал - положил под дужки влажные палочки. От мороза дужки примерзли к ним и не сомкнулись, когда тарелочка сошла со сторожка.

Вечером превратил палатку в баню. Загрузил полную топку смолистых поленьев. Поставил полную кастрюлю воды. Докрасна раскочегарил печь и, раздевшись догола, помылся прямо у выхода. После такой, казалось бы, шутейной бани почувствовал себя заново рожденным. Никогда не думал, что несколько литров воды способны так освежить. И впрямь вода обладает необыкновенной живительной силой.

Примерно через два часа Новый год. Почему примерно? Да потому, что время определяю по будильнику, который не проверялся более двух недель: приемник не работает - батарейки сели. Ну, да бог с ними. Новый год на носу! Пора накрывать праздничный стол-чурку.

Первое января. Где-то на западе нашей необъятней страны еще только собираются встречать Новый год нарядные женщины, мужчины, а за тысячи километров от них в недрах глухой тайги уже встает бородатый дядя, продирает глаза, пялит бессмысленный взор на снующих кругом мышей, затапливает печь и снова забирается в спальник, чтобы окончательно протрезветь и встать через пару часов.

Дед Мороз не забыл-таки заброшенного в глуши охотника и преподнес ему новогодний подарок. На Фартовом стояло всего-то два капкана на подрезку. У первого, распластавшись во всю длину, лежал черный красавец. У второго снег тоже истоптан. Пружина из-под колдобины выглядывает. Ну, думаю, Дед дает — совсем расщедрился — на два капкана — два соболя! Потянул за цепочку, а он пустой. Ушел! От досады заскрипел зубами. Капельки крови пунктиром обозначали след. Метров через сто он скрылся под полуистлевшим стволом кедра. Там соболь отлежался и сегодня уже выходил мышковать поблизости. Довольно крупный самец. Троп у него в этом районе много и расположены они довольно кучно. "Все равно словлю", — утешил я себя.

Только собрался попить чай на солнцепеке, как услышал треск сучьев, стук клыков, грубый визг. Кабаны! Но, видимо, учуяв меня, драчуны коротко хрюкнули и стремглав бросились врассыпную.

Как я встретил Новый год? Прямо скажем – «повеселился» на славу. Нажарил полную сковородку рябцов, приготовил строганины. В двенадцать (опять же по-моему будильнику) поздравил себя и всех, кто ждет меня дома, с Новым, 1975 годом. Выпил спирту и стал вслух беседовать сам с собой. Жизнь в одиночестве принудила вырабатывать привычку смотреть на себя со стороны. И мне представился весьма странный косматый оборванец, сидящий, скрестив по-мусульмански ноги, на засаленном спальнике среди висящих повсюду на правилках шкурок и чокающийся с блаженной улыбкой с печной трубой. Выпив, этот чудак стал невнятно лепетать что-то про фарт,

слёзно просить о милости Пудзю и сэвохи. А вокруг, по всему Хору, ни души. Со стороны, ей богу, сумасшедший!

После третьего «тоста» на глаза попались ножницы, и я недолго думая обкромсал надоевшие из-за каждодневных "наледей" усы. Бороду пожалел — не тронул.

Разморенный жаркой печкой и "огненной жидкостью", приподнял полог и прилёг чтобы остыть и незаметно уснул. Очнулся от пробравшего до костей холода. Дрова прогорели. В серой золе только кое-где виднелись красные глазки дотлевавших углей. И таким неприветливым, мрачным показался мне народившийся год. С трудом настрогал смолистой щепы и растопил заново печь. Согревшись, залез в спальник досыпать. Несколько раз вставал, топил еще. Окончательно обрел себя к обеду. Выпил несколько кружек крепкого чая и отправился, как к уже писал, на Фартовый.

Дни промысловика начинаются всегда одинаково. Встаёшь и идёшь проверять одни ловушки и ставить другие. Вот и сегодня обошел Крутой. Пока пусто, хотя в душе уж на одного-то рассчитывал. Следов на этом путике опять стало мало. Что-то никак не уловлю я в поведении соболей хотя бы какую-нибудь закономерность. Одну и ту же сопку то истопчут вдоль и поперек, то за целую неделю не освежат ни единой тропки; то бегают как угорелые даже в мороз, то сутками в теплой норе отлеживаются.

В лагерь вернулся засветло. Поколол дров, промазал улы кабаньим жиром.

Поев, выглянул из палатки. В лицо тотчас вонзились обжигающие морозные иголочки. Над головой бесстрастно светились, будто начищенные рукавицей, россыпи мелкого жемчуга. Созвездия не приходилось отыскивать. Не таясь, они сами бросались в глаза. Небо в этот вечер воспринималось как купол, вершина которого высоко-высоко, а стенки сразу за деревьями. Вокруг молчала насквозь промерзшая тайга, на громадных пространствах которой лишь кое-где разбросаны комочки жизни: звери и птицы. Чувство потерянности и заброшенности в этом мире охватило меня.

Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения и известить всему миру, что я еще жив и силен, достал ружье и шарахнул в звезды. Выстрел громом пронесся по тайге и долине реки, отдаваясь многократным эхом. Вскоре послышался отвратительный вой, полный презрения ко всему окружающему. Выл волк не "у-у-у", как запомнилось с детства, а "ыууу-ыу", хотя вряд ли возможно передать на человеческом языке все тончайшие оттенки одинокой волчьей песни.

Жутковато становится в такие минуты – вдруг стая голодных волков нагрянет и загрызёт отощавшего очкарика. Нагонишь сам на себя страху и начинаешь прислушиваться к каждому шороху. Чем сильнее вслушиваешься, тем явственнее слышишь скрип шагов, хриплое дыхание зверя, но стоит отвлечься, заняться делом — как все сразу исчезает. Невольно задумываешься, отчего человек в темноте испытывает страх? Пожалуй, от недостатка информации: не видит, что происходит вокруг, вот и мерещится всякая галиматья.

Без радио вечерами в палатке тишина космическая. Только печка поухивает да изредка мышки прошуршат.

Самая неприятная в таежном быту процедура ожидает меня по утрам и никуда от нее не деться. В палатке в это время натуральный морозильник. Если под открытым небом, например, минус 36°, то в нашем убежище минус 32°С. Спальник от дыхания за ночь покрывается ломкой коркой. Разогнешь хрустящие края брезентового чехла, высунешься по пояс и как можно быстрее набиваешь чрево печурки дровами. Подожжешь смоляк и немедля ныряешь с головой обратно в спальник. И лежишь так до тех пор, пока живительное тепло не наполнит палатку и не проникнет внутрь мешка. Случается, дрова с первой попытки не разгораются и тогда истязание повторяется. Чтобы уменьшить продолжительность такой морозотерапии, смоляк и мелкие щепки для растопки я стал готовить с вечера.

Прежде растопкой занимался Лукса, и только когда он ушел в стойбище, я оценил его природную тактичность. Ни разу Лукса не упрекнул меня в том, что встаю последним, когда в палатке уже тепло.

Возвращаюсь по-прежнему без добычи. Обходят последнее время соболя мои капканы. По всей видимости, я что-то не так делаю. Может быть, неумело маскирую? Или соболя запах рук чуют? Много бы я отдал, чтобы выяснить причину январских неудач.

Верховья ключа совсем оскудели, даже следы кабарожки исчезли. Невероятно, но она согревает теперь удалого соболя, сумевшего одолеть весьма крупного для него животного.

Но следам легко удалось восстановить, как это произошло. Соболь, вжимаясь в снег, подкрался к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь ее. Шустрая кабарга успела отпрыгнуть в сторону и помчалась вниз по ущелью. Маленький хищник бросился вдогонку. Так они бежали, петляя по лесу, метров четыреста. На выходе из ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше виднелся лишь след кабарги. Отчаянно металась она, утопая в глубоком снегу, со страшным всадником на спине. Пытаясь сбросить его, она прыгала в сторону, через голову, падала на спину, но освободиться всё не удавалось. Тем временем цепкий наездник, опьяненный кровью, все глубже и глубже вонзал острые как шило, клыки в шею. Снег обагрился кровью, кое-где валялись клочья шерсти. Прыжки кабарожки стали короче. Изнемогая, она перешла на нетвердый шаг. Дважды падала, но поднималась. Наконец завалилась на бок, и, судя по примятому снегу, здесь произошла последняя борьба, исход которой был предрешен. Долина в этом месте узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами тело кабарожки я увидел издалека.

Соболь уже дважды приходил кормиться. Съел часть ляжки, язык. По отпечаткам лап — матерый. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на нашем участке.

Я осторожно вырезал мешочек с мускусной железой — "струю" размером с куриное яйцо. Охотники считают настойку из этой железы, представляющую собой бурую кашеобразную массу, хорошо тонизирующим средством.

Уходя, замаскировал на подходах к олешку две ловушки. Прикормившийся соболь обязательно придет к кабарге еще не один раз.

Такую привычную для меня в последнее время тишину нарушило мерное поскрипывание лыж. Неужто Лукса?! Как был раздетый, выскочил наружу. Маленький темный силуэт выплыл из-за деревьев. Одо Аки! Возвращаясь после встречи Нового года на свой участок, он завернул ко мне на ночевку. Радость от встречи с Аки была омрачена худой вестью: Луксу положили в больницу с обострившейся язвой желудка. Обидно за наставника. Неужели для него сезон закончился?

Перекусив, старик достал из берестяного коробка маленький листок бумаги. Макнул его несколько раз в кружку, и, помешав чай ложкой, выпил приготовленный напиток маленькими глотками. Я заинтриговано наблюдал за этими весьма странными манипуляциями.

— Шибко хорош медикамент доктор давай, — похвалил Аки,— однако пора новый пиши. Много знаки пропади.

— Какой медикамент? — недоуменно пробормотал я.

Старик осторожно протянул мне мокрый листок.

— Гляди.

Это был обычный рецептурный бланк, на котором едва проступали размытые буквы и печать.

— От чего же этот медикамент? — пряча улыбку, спросил я.

— Сон дари. Медикамент пей - сон иди. Доктор хорошо лечи.

Я деликатно промолчал. Потягивая трубку, Аки пересказывал мне деревенские новости.

Тихая речь старика, потрескивание дров ласкали слух, убаюкивали, настраивали на лирический лад. Я как всегда размечтался и унесся мыслями к тому дню, когда с пухлыми связками шкурок появлюсь в конторе и завалю ими стол ошеломленного охотоведа...

— Ыууу-ыу, ыууу-ыу, — понеслось из-за Хора.

Жуткая волчья песня медленно нарастала и неожиданно угасла на длинной плачущей ноте. Дикая тоска по крови слышалась в нем. Вмиг развеялись мои завораживающие грезы.

— Мясо проси, — невозмутимо сказал одо Аки, допивая очередную кружку чая. Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и даже шлепнул себя по беленькой головке.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: скоро не приди, ты его капкан сними. Однако шибко не сними. Люкса живот обмани — тайга опять ходи. Я его знай.

Тут я не утерпел и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Аки, если не секрет, сколько Вы нынче соболей поймали?

Старик нахмурился и, отвернувшись, отчужденно сказал:

— Почто соболь пугай? Моя твоя говори — соболь новый место ходи, — и быстро перевел разговор в другое русло:

— Однако весёлый стрелка. Почто такой? — спросил он, осторожно взяв с чурки мой компас.

— Чтобы не заблудиться, когда солнце скрыто тучами.

— Почто стрелка ходи? Почто сам дорога не смотри? — уточнил старик.

Ему было непонятно, как это охотник может заблудиться.

Пока разговаривали, я разулся и повесил сушить улы на перекладину. Глянув на подошву, ахнул — она в нескольких местах треснула поперек. И поделом мне. Сам виноват. Сушу над самой печкой. Сколько раз Лукса предостерегал, что кожа от жара становится ломкой. И почему человек так устроен, что не пользуется опытом других, пока на своей шкуре не убедится в правоте сказанного?

Не секрет, что охотника, как и волка, ноги кормят. Поэтому последние — предмет особой заботы, тем более зимой. А улы — самая подходящая для промысловика обувь: легкая, теплая и удобная. Шьют их из шкур лося, изюбра или кабана, используя участки с шеи или со спины. Лучше шкуры самцов, убитых зимой, так как их кожа в это время года плотнее и толще.

Выделка кожи для ул - процесс не сложный, но довольно длительный и трудоёмкий. Обувь из правильно выделанной кожи получается мягкой и прочной. Внутри улы выкладывают специально для этого заготовляемой травой хайкта. Она хорошо сохраняет тепло и в то же время служит своеобразными портянками, предохраняющими ноги от мозолей. Помимо этого в сильный мороз на ноги обычно ещё надевают меховые чулки.

Что-то я стал быстро уставать в последние дни. Все делаю через силу. Видимо, выдохся или, как говорят спортсмены, произошло "накопление остаточной усталости". Постараюсь завтра уменьшить нагрузку, хотя это так непросто.

Когда с очередного отрога открываются новые голубеющие дали, то, чем дальше обратишь взор, тем заманчивей и богаче кажется далекая и неизведанная тайга. Так и влечет туда что-то, а что именно — трудно понять. Неизвестность? Пожалуй. Она во все времена манила людей за горизонт.

Аппетит прорезался такой, что хоть из палатки не выходи. Уже через пару часов начинает сосать под ложечкой. И это понятно. Ведь раньше я ходил в основном по накатанной лыжне, а теперь все больше по целине, в поисках мест богатых соболем.

Прошло ровно двадцать дней, как Аки ушел на свой участок. Но за все это время ни одна западня не порадовала меня вытоптанной "ареной". Что делать? Время летит. Неужели охотовед окажется прав, и я действительно не вытяну план?

Сегодня, перевалив на соседний ключ Улантиково, нашел, наконец, прекрасные тропки, на которых выставил все ловушки, и сразу повеселел. Надежда оживила охотничье сердце. Но не только это подняло настроение. Заглянуть за горизонт, за пределы того, что уже видел и знаешь – всегда доставляет удовольствие. И хотя знакомство с новыми местами всегда связано со значительным напряжением сил, я никогда не сожалел, что сошел с проторенной дороги, чтобы попасть в неизведанный уголок. Наградой тому — множество ярких, незабываемых впечатлений.

Последние дни однообразно-серое небо непрерывно исторгает из своих недр белые хлопья. Капканы на подрезку засыпает, а на приманку соболь по-прежнему отказывается идти. Но сегодня к вечеру, словно услышав мои молитвы, унылый облачный покров, наконец, распался на рваные куски, оголив синеву небесной сферы. Красный холодный шар медленно заваливался за горизонт, озаряя пурпуром края чёрных туч. Резкий контраст пурпура с почти черным производил сильное впечатление. Вскоре шар скрылся за сопкой, но тучи еще долго продолжали полыхать прощальным пожаром.

Закат — это всегда грустно. Это очередная веха, конец еще одного отведенного судьбой дня. Но в то же время закат — это и обещание рождения на завтра новых надежд и возможностей.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Мороз нынче, как по заказу. Заставляет резво ходить и в то же время не настолько силен, чтобы коченеть при установке ловушек.

Поднимаясь по ключу, я приметил на ребристом склоне сопки с десяток ворон, вьющихся над разлапистым кедром. "Ну, - думаю, - неспроста

летающие волки здесь собрались", и направил лыжи в их сторону. Шагов через триста появились следы, сначала спокойно кормившихся, а затем в панике разбежавшихся кабанов. Попытался по следам восстановить, что здесь произошло, как вдруг с вершины бугра, у подножия которого я стоял, раздался гортанный, леденящий сердце рык. Поднял голову и обомлел — ТИГР! Из оскаленной пасти торчали, словно финки, острые клыки. Нижняя губа нервно вздрагивала. Кончик хвоста подергивался.

Страх пронзил мое сердце, ноги противно заныли, по всему телу волнами побежали колючие мурашки. Подобную встречу я давно ожидал и даже, признаюсь, по-мальчишески мечтал о ней, проигрывая в уме всевозможные варианты своих действий. Поэтому психологически был готов и в явную панику не впал. Призвав на помощь все самообладание, действовал насколько мог спокойно, хотя от напряжения вибрировал каждый мускул, а о своем желании сфотографировать тигра даже не вспомнил.

Не опуская ружья, я стал пятиться назад. Все время, пока тигр был в поле зрения, он так и стоял в царственной позе, не сводя с меня мерцающих глаз. Только тугой хвост замер в воздухе в тревожном ожидании. Скрывшись за деревьями, я развернулся и, то и дело оглядываясь, заскользил к ключу. Разочарованные вороны крикливо обсуждали мое бегство.

Весь день перед глазами стояла огромная рыже-черная голова с оскаленной, казалось на полнеба, пастью. Меня не покидало чувство, что могучая кошка продолжает тайно следить за мной.

Проходя через кедрач, услышал отчетливый шелест. Замер. Шелест повторился. Я боязливо оглянулся — никого нет, а шелест все ближе. Ну, думаю, все, от судьбы не уйти. Но тут, наконец, увидел виновника шума - по коре кедра, громко шурша, спускалась вниз головкой небольшая пичуга с коротким хвостиком и длинным острым клювом. Это был неутомимый поползень. Поразительно, как такая крохотная птаха умудряется производить столько шума. А о себе невольно подумал: вот ведь, пуганая ворона и куста боится.

Умом я, конечно, понимал, что великий сородич удэ не собирался нападать, но тигр есть тигр. Даже один след впечатляет. И все же я был благодарен судьбе, давшей возможность увидеть так близко красу и гордость Уссурийской тайги.

Могучий и царственный зверь на фоне многовековых кедров потряс мое воображение и остался в памяти самым волнующим и самым ярким воспоминанием из охотничьей жизни. Более всего меня поразило его достойное поведение. Он словно говорил: "Уйди, и я тебя не трону".

Добравшись до верховья ключа, отправился к месту где соболь загрыз кабаргу, но увы - ее на прежнем месте уже не было. Две непальские куницы затащили остатки под лесину и доели. Надо признать, что эту операцию они провели виртуозно, сумев обойти оба капкана стороной.

Необычно теплый для января день. На корнях буреломного отвала, как весной, наливаются солнечным светом и, созрев, падают первые капли. Потепление особых восторгов у меня не вызывает. Ночью подморозит, снег зачерствеет льдистой коркой, и соболя вообще перестанут тропить.

На путиках одни разочарования. Порой охватывает отчаяние, но я снова беру себя в руки, внушая, что времени еще достаточно, что еще есть возможность наверстать упущенное. Правда, с каждым днем все это становится похожим на самообман.

Одна отрада и отдушина от неудач и неприятностей для меня в эти дни — обед в ясный тихий день. Выберешь между деревьев солнечный пятачок. Положишь камусом вверх лыжи, на них рукавицы. Под ногами умнешь ямку. Неторопливо достанешь из рюкзака сухарь, термос с чаем, круто сдобренным топлёным жиром. Удобно устроишься и блаженствуешь под горячим потоком полуденных лучей[1] среди млеющих могучих кедров. В сладкой дреме застыли сопки. Редкое постукивание снующего по стволу дятла и невнятное бормотание ручья подо льдом лишь подчеркивают сонную тишину. Солнышко ластится, пригревает. Кожа ощущает каждый лучик,

каждый зайчик. На душе становится легко и свободно. Забываешь на время о неудачах. Открываешь термос и с наслаждением пьешь душистый чай, устремив мечтательный взор на горные дали, легкие облака, бесцельно плывущие в прозрачной лазури...

Три дня провалялся в жестокой простуде – угодил в полынью на Разбитой. От избытка свободного времени так наточил ножи и топор, что руки теперь все изрезаны.

На четвертый день рискнул поколоть дров и сломал топорище. Пришлось тесать новое. Через час удобная ясеневая ручка была готова. Расколов несколько чурок устал и, чтобы немного отдохнуть, стал прогуливаться по становищу, любуясь окрестностями.

---

[1] Определение “горячий поток полуденных лучей” не преувеличение. В конце января в этих широтах солнце в полдень также высоко, как в Крыму,

Над головой тонко звенели серебряные колокольчики. Это стайка клестов облепила соседнюю ель и, перезваниваясь, принялась шелушить еловые шишки, ловко вытаскивая вкусные семена. Сейчас клесты едят больше обычного - родились птенцы, и родители едва успевают кормить прожорливых деток кашицей из этих семян. Трудный экзамен придумала природа для этих пернатых. Январь и февраль, мягко говоря, не самое лучшее время для вскармливания потомства.

Все же удивительно хорошо в тайге. И дышится легко, и мыслям просторно. Прав был Новиков-Прибой, утверждая, что "охота — лучший санаторий".

Вечером, затопив печь, вышел за водой. Оглянувшись, увидел, как робко проклевывается дым из трубы. Остановился и стал наблюдать. Первые секунды он выползал вяло, как бы нехотя. Постепенно жиденькая струйка оживала, набирала силу, и через пару минут из трубы уже вылетал упругий

густой столб. Печь энергично заухала. Дым стал светлеть, и показался язычок пламени — красный, трепещущий. Вскоре не язычок, а огнедышащий шпиль взметнулся ввысь, освещая наше жилище. Печь запела удовлетворенно, ровно, и всё чище и тоньше становилась песня.

Ну, как снова не вспомнить поговорку: не было ни гроша, да вдруг алтын. Проверял Фартовый (опять он!). У первого же капкана кто-то метнулся за дерево. Это был соболь. Зверек рвался прочь от страшного места, от меня, но "челюсти" ловушки держали крепко. В ярости соболь набрасывался на них, в бешенстве грыз железо, кроша зубы. Однако все усилия были тщетны. Капкан не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым. В движении он смотрелся еще эффектней: грациозный, ловкий и бесподобно красивый.

Прижав рогулькой к снегу, взял его в руки и разглядел как следует. Оказывается, глаза соболя на свету горят как изумруды, тогда как в тени похожи на черные смородины. Взгляд бесстрашный, а мордочка настолько добродушная, что даже не верится, что перед тобой кровожадный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я использовал известный у звероловов прием "заглушку". В выразительных глазах соболя, почерневших от боли, появилось недоумение, как у человека, смертельно раненного другом. Не было в них ни злости, ни страха. Только удивление и укор. Сердце, устав биться, сокращалось чуть заметно. Тело обмякло, голова поникла, лапы вытянулись. Глава затуманились, стали тусклыми, невыразительными.

Этот пронизывающий душу взгляд, это превращение красивого, полного жизни зверька в заурядный меховой трофей все перевернуло во мне, и я… разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял головку. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. В такие минуты, наверно, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки в такой же ситуации. Та до последней секунды злобно шипела бы, пытаясь вцепиться в любое доступное место

зубами и когтями. Соболь же понимал, что противник намного сильней и бессмысленная борьба унизительна. Благородный зверек!

Я почувствовал, что потеряю всякое уважение к себе, если убью его. Решение пришло мгновенно, без колебаний. Я положил соболя на снег. Тот не заставил себя долго ждать: встрепенулся, замер на секунду и небольшими размеренными прыжками не оглядываясь, побежал в глубь тайги. А мои руки еще долго хранили тепло его шелковистой шубки.

Кто-то из мудрых циников, великих знатоков человеческих душ, сказал: «Бойтесь первого порыва, ибо он бывает самым благородным”.

Так наверное и я: повиновавшись мгновенному движению души и отпустив на волю буквально из рук великолепную добычу, уже через несколько минут испытывал трезвое раскаяние — за шкурку зверька такой тёмной расцветки я получил бы немалые деньги.

Но потом, вернувшись домой и много позже, вспоминая этот случай, понял, что все это было не зря! И что стоило поймать такого чудесного соболя, а потом отпустить его только для того, чтобы ощутить внезапное просветление, которое будет потом греть душу долгие годы.

Летом, в городе, когда тоска по тайге особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и в этот момент передо мной возникает одна и та же картина: темно-коричневый соболек, спокойно, с достоинством бегущий по искристой белой пелене. На душе становится легко и радостно, будто повидался со старым другом.

Спустившись с кручи на пойму, я буквально отпрянул от неожиданности. На слегка припорошённой лыжне отчетливо виднелись внушительные отпечатки. Крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с прогнутым внутрь основанием и закругленными вершинами, окаймлена веером овальных вмятин четырех пальцев. Опять "священный дух удэ" напомнил о себе. Отметин от когтей не заметно: они втяжные, и оставляют следы только, если тигр встревожен или готовится к нападению. Вскоре он сошел с лыжни к побрел по целине, вспахивая лапами снег.

Тигриная борозда похожа на кабанью, но гораздо глубже, шире, с более крупными стаканами отпечатков. Сразу видно, что это прошел хозяин тайги.

От тигриной траншеи меня отвлекла пихта с ободранной на высоте двух с половиной метров корой. Сохатый? Да нет, не станет он глодать кору старого дерева, да и содрано мало, всего сантиметров тридцать. Ниже задира разглядел пять глубоких борозд от когтей. Понятно — медвежья метка. С другой стороны дерева был еще один задир, сделанный метром ниже. Интересно, почему они на разной высоте? Ведь обычно медведь старается ставить их как можно выше, чтобы другие звери робели, видя, какой здоровяк хозяйничает здесь, и остерегались нарушать границы его участка. Скорее всего, это работа медведицы и ее двухлетнего пестуна.

У подножья одной из боковых лощин я сошел с путика, чтобы снять засыпанную ловушку, а там четыре рябчика по снегу прогуливаются. К одному приблизился, так он, чудак, вместо того, чтобы взлететь, бросился удирать пешим ходом и бежал вперевалку впереди меня метров двадцать, пока я, развеселившись, с гиканьем не хлопнул в ладоши.

День завершился совершенно неожиданным подарком. Я даже оторопел, увидев, что в два капкана под берегом, поставленных просто так, на всякий случай, попались две норки.

Девственный лес трещит в объятиях очередной волны жгучего мороза. Опять стынут, лопаются деревья. Заиндевелые кустарники в хрустальном сиянии. Кедровая хвоя поблескивает, как соболья ость. Плотный воздух вливается в легкие густым жгучим настоем.

Скрипучая лыжня увела меня в верховья Буге дальше обычного. На межгорном плато сразу бросилось в глаза черно-бурое пятно на снегу. Подойдя, увидел мертвого кабана. Смерть настигла его внезапно. Во время урагана от сухостоины, стоящей неподалеку, сильным порывом ветра отломило массивный отщеп, и он, падая с высоты, как копье, пронзил зверя

насквозь. Оказывается, и в тайге происходят несчастные случаи. Только виновника не накажешь — ищи ветра в поле.

Ходить в сравнении с началом сезона стало заметно легче. Снег надежно укрыл поваленные деревья, кустарники, камни. Чтобы ускорить спуск, я сиганул с обрывистой кучи напрямик и внизу угодил в запорошенную яму. Лыжи изогнулись, предательски затрещали и... переломились пополам сразу обе. Закинув обломки на плечо, попытался идти по лыжне пешком, но не тут-то было. Как только обопрешься на одну ногу, так она сразу уходит в снег по самый пах. Упираясь руками, с трудом вытащишь ее наверх, но при следующем шаге все повторяется уже с другой ногой.

Проковыляв так несколько десятков метров, взопрел. Соленый пот заливал глаза. Ноги загудели от напряжения, отказывались идти дальше. Пораскинув мозгами, срубил ольху. Вытесал из нее две полуметровые плахи и прибил их прямо на камус (коробочка с гвоздями, веревочками, проволочками у меня теперь всегда с собой). Получилось неплохо. На них я так и проходил до конца охоты.

Довольный и гордый тем, что сумел устранить поломку, завернул на памятную протоку, где я завалил секача, чтобы пополнить запасы мяса. К туше уже стекались собольи тропки: крупные следы самцов и миниатюрные — самочек. Снег, которым я засыпал вепря, с трех сторон разрыт. Вот ведь закавыка - не знаешь, радоваться или расстраиваться.

Соболя по каким-то неуловимым для меня признакам отличают следы зверька, идущего с богатой кормежки, и тоже начинают ходить на это место. Замаскировал на подходах к мясу все четыре капкана, что лежали у меня в котомке. Кабанятиной придется пожертвовать. В крайнем случае, воспользуюсь мясом секача, погибшего во время урагана.

На Разбитой, по берегу залива, на днях опять бродил тигр. Событие уже привычное, но интересно, что след пролегал по местам, сплошь заросшим густейшим колючим кустарником. Видимо, могучая кошка пыталась расчесать мех.

Вечером, после ужина, ремонтировал снаряжение и одежду. Все уже изрядно обтрепано, но надо как-то дотянуть до пятнадцатого февраля — конца сезона. От того, что скоро домой - и радостно и грустно. Поживешь некоторое время в городе и незаметно начнешь отдаляться от природы. Притерпишься к заасфальтированным, дышащим чадом улицам, каменным домам-клеткам, к мысли, что живешь нормально, как все. Но однажды глянешь на одинокую старую ель, сохранившую даже в городском парке дикий, угрюмый вид и сердце острой болью пронзит тоска по нехоженой тайге, по звериным тропам и чуткой тишине зимнего леса, пробудит воспоминания о красотах древнего Сихотэ-Алиня. Пройдет несколько дней, тоска утихнет, и городская суета опять затянет с головой. Так продолжается до тех пор, пока безотчётно возникшая тяга к странствию не овладеет всеми помыслами, и вот тогда, не в силах подавить его, идешь на все, чтобы вырваться на волю, в родную тайгу.

Все мои родственники (жена Татьяна исключение – она одна понимает меня) и почти все друзья в один голос твердят: "Как можно одному? Столько опасностей! Случись беда — помочь даже некому". Раньше, не имея достаточного представления о таежной жизни, я наверняка говорил бы то же самое, но теперь с уверенностью могу возразить: в тайге опасностей не больше, чем в городе. Сами звери на обострение отношений, как правило, не идут. Те же происшествия, что случились со мной, справедливей будет отнести на счет моей неопытности.

В тайге все естественно. Жизнь проще, здоровей и, как ни парадоксально, спокойней и безопасней.

БЕССОНАЯ НОЧЬ

На высоких парусах разлетелись и скрылись за горизонтом снежные тучи. Пока я поднимался на Крутой, в небе уже воцарило слепящее солнце. Над гребнями таежного моря, подпоясанного белой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил ворон.

Крутой, наконец, расщедрился и подарил весьма крупного соболя приятного шоколадного цвета. Поднял добычу, чтобы освободить от капкана, а у него и на второй лапе капкан, только без цепочки. Тут я смекнул, что это тот самый самец, что в декабре ушел! Здоров чертяка! Мне, еще, когда ставил капкан, показалось странным: отпечатки лап крупного самца, а прыжки короткие. Судя по его бравому виду, не заметно, чтобы он недоедал. А я-то расстраивался, боялся, что погибнет.

Возвращался в лагерь, благодушно напевая сочиненные на ходу куплеты:

Не ищите меня у людей,
Среди них я случайный гость.
Я живу там где воздух чист,
А на тропах зверей помёт.
Не ищите меня в городах
Хоть любитель я кабаков,
Ведь мой дом в горах
У говорливых вод.
Там друзья мои — добрые звери
И хранитель зверей — дикий лес.
И мы вместе уходим на север,
Где еще не бывал человек.
Год от года теснят нас все дальше
И осталось пройти лишь Таймыр
Но на плечи не давит тяжесть
От дорог и глубоких стремнин.

Ничто не предвещало того испытания, которое предстояло мне выдержать этой ночью. Я уже готовился ко сну под невесёлое завывание всё усиливающегося ветра, как резкий порыв наполнил палатку таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть полог. И тут раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее "ыууу-ыу" понеслось над распадком, будоража тайгу. По спине побежал колючий озноб, руки сами нащупали и вынули из щели

между спальником и брезентовой стенкой палатки ружье и привычно вогнали патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Вой доносился от подножья сопки, вплотную подступившей к ключу. Чтобы отпугнуть зверей - волки зимой поодиночке, как правило, не ходят - высунул из палатки ствол ружья и полоснул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго, а вскоре раздался, как мне показалось, еще ближе.

Страх парализовал меня. Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, стиснув ружье, боясь пошевелиться, прислушиваясь к каждому шороху. Даже когда наклонялся к печурке подложить дров, оружие не выпускал. Воображение рисовало ужасную картину: волки уже окружили палатку и готовы ворваться и растерзать меня.

Время, словно заключив союз с волчьей стаей, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал. Дров оставалось мало: ведь я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же в три часа положил в топку последнее. Топором расколол ясеневый «столик». Скоро прогорел и он. Палатка стала быстро остывать. Холод проникал сквозь одежду все глубже и глубже.

Я понимал, что если тот час не залезу в спальник, то замерзну окончательно, но сделать это мешал страх: в нём я буду скован в движениях и не смогу обороняться. Что предпринять?

Мысленно перебрал все вещи, находящиеся в палатке: можно ли еще чем-нибудь поддержать огонь? Но, увы, ничего не находил, а дрова были рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко - выйти из палатки и пройти десять метров до груды поленьев меня сейчас не могла заставить никакая сила. Ненадежное брезентовое убежище представлялось неприступным бастионом, покинув который, я становился беззащитным.

В печке дотлевали последние угольки. В конце концов, здравый смысл победил страх, и я, с трудом распрямив затекшие ноги, придавил края палатки спальником Луксы. После этого обутый, с ножом в руках забрался в

мешок, где и провел остаток ночи в тревожном забытьи. Сквозь дрему прислушивался к волчьему вою, вздрагивал от каждого шороха. По мере того, как ночная мгла сменялась робким рассветом, во мне нарастала злоба на волчье племя. Восходящее солнце вливало в мое сердце решимость, изгоняя вместе с темнотой рабское чувство страха.

Вой не прекращался. Я проверил ружье, воткнул в чехол нож и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже показалось в проёме сопок. Земля чуть припудрена порошей. Держа ружье наизготовку, крадучись, прошел мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его, и даже мысль, что волк не один, что там, быть может, целая стая, уже не могла остановить меня.

Подойдя к сопке, я огляделся, пытаясь понять, куда они могли так быстро и незаметно разбежаться. Странно, что и волчьих следов нигде не было. И вдруг прямо над моим ухом раздалось громкое, тягостное завывание. Я вскинул ружье – стрелять было не в кого. Повторяющийся через разные промежутки времени вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал, как ненормальный. Тоже ещё герой выискался! А еще распелся: «Здесь друзья мои — добрые звери и хранитель зверей — дикий лес...». Эхо испуганно заметалось среди сопок.

Страх отнял у меня ночью способность трезво мыслить, иначе я бы сообразил, что волк не станет всю ночь сидеть возле палатки и выть, не испугавшись даже выстрела.

Когда вечером я вернулся с охоты, вой стих и больше я его никогда не слышал.

ТАЙГА ЛЕЧИТ

На Фартовом ни один из двадцати трёх капканов не сомкнул челюстей. Ну, ничего, цыплят по осени считают, — хорохорился я.

Есть на этом путике одно приветливое место, которое не хочется покидать. Это обширная, заснеженная поляна в изумрудной раме патлатых кедров. На

Буге, куда ни пойдешь — сплошная непролазная чащоба. И вдруг открывается чистое пространство, по которому слабый ветерок перекатывает желтые волны вейника. Этот контраст поражает, будит воображение. Представляются давние события, которые могли происходить на этой обширной поляне: дымящиеся юрты, охотники, возвращающиеся с богатой добычей. А совсем близко, в темном распадке, притаились в засаде жестокие воины враждебного племени...

Лукса подтвердил, что в этом месте действительно когда-то было большое становище его предков, кочевавших по всему Сихотэ-Алиню. Непонятно только, почему они выбрали его, удаленное от Хора на десять километров? Ведь река была главной дорогой для таежных жителей.

На этой поляне я всегда останавливаюсь, немного отдохнуть, насладиться её красотой. Иногда вспоминался и брошенный поселок золотоискателей в Якутии у подножья перевала на Гонам, в котором мы останавливались во время поисков Юры и Саши. Картина, надо сказать, довольно удручающая: стоят крепкие, добротные дома из лиственницы. В каждом дворе баня, летняя кухня, сарай. В центре поселка двухэтажный дом. Рядом с ним постройка с ржавым листом, на котором угадываются буквы "МА...". Но все улицы, дворы, огороды сплошь заросли молодыми деревцами.

Мы обследовали поселок в надежде найти следы пребывания ребят. В одном из домов на некрашеном полу я увидел куклу в выцветшем платьице. Горло невольно сдавило. Лет пятнадцать назад здесь было шумно, многолюдно. В каждом доме бурлила жизнь со всеми ее радостями и горестями, а теперь тихо, как на погосте. Интересно, где сейчас хозяйка этой куклы?

И сегодня я, как обычно, остановился на краю поляны отдохнуть. В этом оазисе, защищенном от ветров, все млело и купалось в теплых, ласковых объятьях солнца. Расстегнул телогрейку, снял шапку. Слабый ветерок приятно холодил разгоряченное ходьбой лицо.

Наблюдаю, как на кончике ветки повисает капля с бегающей искоркой солнечного света. Когда она налилась в полную меру, искорка бешено забилась, словно не желая падать. Но, так и не сумев вырваться из тонкой оболочки, сорвалась и исчезла в снегу вместе с каплей.

От созерцания меня отвлекла севшая на голову маленькая пичуга. Ее остренькие коготки больно впились в кожу. Весело присвистнув, она дернула клювом волосок. От неожиданности я вздрогнул. А отважная шалунья вспорхнула на дерево и, возмущенно свистнув, улетела.

Спускаясь с сопки, чуть не наехал на отдыхающих косуль, Они пружинисто вскочили и в ужасе рассыпались. Бег у косуль своеобразный: несколько прыжков небольших и частых, затем один огромный, летящий и опять череда коротких.

Буро-коричневая окраска делает оленей практически невидимыми среди деревьев, и только белое пятно сзади (его охотники называют "зеркало") иногда выдаёт их.

Косули копытили здесь из-под снега листья и траву. Тут же крохотные овальные лежки глубиной до самой земли. Косули зимой деятельны только в утренние часы. После полудня они обычно отдыхают, пережевывая жвачку. Поднятые мной олешки, судя по толстой шее и рогам, в два раза превышающим длину ушей, четырех - пятилетки. (У молодых шея тонкая и рожки вровень с ушами.)

Под Разбитой прошла стая волков. На сей раз не мифическая, а самая что ни на есть настоящая. Вожак - матерый волчище, отпечатки лап десять на шесть с половиной сантиметров. У остальных заметно мельче. По форме след волка похож на собачий, но отличается расположением пальцев.

Шли гуськом, след в след. Только на крутом повороте у поваленного кедра видны разброды. Судя по ним, в стае, кроме матерого, два прибылых* и два переярка**. Эти лыжни не боятся. Прошли прямо по ней.

* Прибылой – этого года рождения.

Одинокий скиталец тигр, делая очередной обход своих владений, вышел на след волчьей стаи и двинулся по нему. Теперь, надо думать, серые не скоро появятся. Тигр задаст им перца, отомстит собачьему племени за притеснения своих более мелких родственниц. Тем более, что могучие кошки вообще любители волчатины.

По моим наблюдениям, по Буге ходят два тигра. У одного из них под ясенем, возле Разбитой, что-то вроде уборной. Уже не первый раз вижу здесь кое-как присыпанные снегом экскременты, похожие на грубые веревки.

На обратном ходе вышел на Хор посмотреть, не появились ли там норки. И не зря. По берегу петляли два свежих следа: самки и ее кавалера. Следы пересекали реку и терялись в тальниках. Я сошёл на лёд и направился туда же, но где-то на середине реки чувствую - снег плавно уходит из под ног. Не успел осознать, что происходит, как ноги сами отбросили меня назад - на том месте, где я только что стоял, свинцовая вода заглотила толстенный снежный пласт и угрожающе бурлила, требуя новой порции.

Лежа на спине у самого края полыньи, я лихорадочно загребал снег руками, отталкивался лыжами, чтобы подальше отодвинуться от образовавшегося окна. Немного отполз, перевернулся на бок и осторожно встав на лыжи заскользил прочь от коварной ловушки. И только очутившись на берегу, облегченно вздохнул.

Даже издали по кромке провала было видно, что лед, укрытый толстой снежной шубой, промыло бурным течением и остался только тонкий верхний слой, который и рухнул, стоило мне ступить на него. Не успей я откинуться назад, меня с лыжами на ногах тотчас затянуло бы под лед.

Этот урок лучше многократных наставлений Люксы научил выходить на реку только с посохом и проверять прочность ледяного панциря перед каждым шагом.

** Переярок – прошлого года рождения.

Ура-а! Ура-а! Лукса пришел! Изрядно исхудавший, но веселый и все такой же неугомонный. Подъехал, привычно переваливаясь на лыжах с ноги на ногу. Тут же с диким восторгом носился по стану поджарый Пират. Тоже отощал на скудных гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза увесистую кетину. Собака благодарно лобызнула меня и набросилась на любимое лакомство. Лукса тем временем рассказывал:

— Немного подшаманили и ладно. Хотели еще неделю держать. Упросил. Задыхаться стал в каменном мешке. Каждую ночь Буге снился. Никак нельзя нашему брату тайги. Панты вот принес, — показал он бутылочку с густой темно-коричневой жидкостью, — Панты и Буге быстрее вылечат.

Долго сидели. Старый охотник был возбужден возвращением, а я истосковался по живому общению. Разговаривая, невольно прислушивался к своему голосу. Поначалу мне казалось, что говорю не я, а кто-то другой. Настолько отвык от собственной речи.

Узнав, что днем я чуть было не отправился кормить рыб, Лукса помрачнел:

— Чего так делал? Река — обманщица. Как-то со мной так было. Думал, не выберусь.

Он раскочегарил потухшую трубку и, попыхивая, продолжал:

-- Случилось это после Нового года. Все разошлись по участкам, а я загулял. Вертался один. Нартовый след проходил вдоль полыньи. Дело обычное. Вдруг слышу "трх, трх" — лед лопается. Не успел опомниться, как закачался, будто в оморочке. Хотел по нартам перепрыгнуть на торос, но льдина маленькая, накренилась, и я в воду свалился. Одна лыжа, когда падал, с ула слетела, а вторая, как парус, по течению потащила. Не знаю, как успел в край полыньи вцепиться, да ногой вертануть. Спасибо Пудзе, крепление съехало. Лед гладкий, руки скользят, до сих пор удивляюсь, как выбрался. Целый месяц болел, елка-моталка. С рекой, паря, не шути. Не ленись, всегда лед проверяй. Ну ладно, говорим, говорим, а надо бы поесть. Вот хлеб свежий принес, да еще кой-чего. Садись, пировать будем.

Старик извлек из котомки огромный кусок копченого мяса, завернутый в бумагу. Вид его, надо признаться, не возбуждал аппетита. Мне даже показалось, что он местами покрыт плесенью. Но медвежий окорок оказался великолепным, и мы его прикончили в два счета.

Лукса взглянул на неприглядную бумагу и покачал головой:

— Совсем грязная стала.

"Не то слово", — подумал я, нисколько не удивляясь тому, что старик сунул бумагу в печку. Через минуту он извлек ее оттуда и бросил на лапник: она была целехонька, только стала намного чище и белее. Впрочем, зеленые пятна, которые я вначале принял за плесень, на ней сохранились.

Взяв еще теплую диковинку в руку, я никак не мог отделаться от ощущения, что это простая оберточная бумага.

- Откуда у тебя это?

- На горе Ко в камнях много такой. Удобная -- не рвется, в огонь бросил, опять чистая.

Тут только я догадался, что это знаменитый минерал даннеморит, который встречается в горах Сихотэ-Алиня.

НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ночью снилось, будто кто-то тянет меня за ноги в черную бездну. Я отчаянно цепляюсь за лед, но руки скользят, и я погружаюсь в черноту все глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

Лукса уже позавтракал и ушел откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и брел по Глухому. Он вполне оправдал свое название. На нем действительно все по-прежнему глухо - ни одного свежего следа не появилось.

Вернувшись к становищу, стал колоть дрова на вечер. Вскоре подъехал шатающийся от усталости наставник. Я обратил внимание, что он сильно возбужден.

- Что-то случилось?

- Отгадай загадку, - предложил он вместо ответа, - В липе сидит, скребется, пыхтит, тронешь — рычит.

- Медведь?

- Точно, гималайский. Тепло, вот и проснулся. Со стенок сухую труху соскребает. Постель помягче делает. Пойдешь завтра со мной?

- Ты еще сомневался?! - обиделся я.

Весь вечер тщательно готовились. Лукса, отливая в колупе* пули, сокрушался, что тигр часто ходил по его путику.

- Не буду туда пока ходить. Увидит куты-мафа, что его следы топчу — всякое думать начнет. Не поймет — сердиться будет.

- Лукса, ты же говорил, что тигр очень умный вверь. Все понимает.

- Это правда, куты-мафа, что думаешь даже знает. Подумаешь: не буду стрелять, - он понимает и тоже думает: не буду его трогать. Но когда куты-мафа далеко, он не слышит, что я думаю, не поймет, зачем хожу, и будет сердиться.

Я не раз слышал, что некоторые промысловики до сих пор настолько боятся тигра, что когда он появляется на их участке, бросают охоту и покидают это место, случается навсегда.

Сам Лукса принес четырех соболей и, хотя прошло больше месяца, ни один из них не попорчен мышами. Секрет прост —Лукса придумал способ, как обхитрить этих вездесущих грызунов. Ставит ловушки возле молодых гибких деревьев. Ствол пригибает и закрепляет его в горизонтальном положении каким-нибудь сучком. Цепочку же привязывает к макушке. Когда соболь, угодив в капкан, начинает биться, деревце рано или поздно выпрямляется, и жертва повисает в воздухе. Мышам она недоступна, а птицы соболей не трогают.

Закончив со шкурками, Лукса раскурил трубку и глубоко задумался, глядя по обыкновению сквозь щель на огонь в печурке.

- О чем думаешь? - потревожил я его.

---

* Колуп – форма для литья пуль

- Так, вспоминаю... Раньше ведь как было? Перед большой охотой к шаману с белым петухом ходили. Шаман надевал шапку с рогами. На лицо маску - хамбабу. На пояс вешал кости медведя, рыси, железные погремушки. Бил в бубен, в тайгу вел. Там большой костер жгли. Котел с водой ставили. Шаман вокруг ходил, важные слова говорил, пахучим багульником дымил. Так злых духов прогонял. Как вода закипала, петуха в котёл бросали — Пудзе подарок делали. Только потом на охоту шли. Сейчас так не делаем, а хороший охотник всё равно без добычи не возвращается.

Встали одновременно, как по команде. Не спеша, внимательно проверяя каждую мелочь, собрались. Продули стволы ружей. Заткнули их комочками мха. Лукса набил печь сырым ясенем, закрыл поддувало: — «Пока огонь в печке — удача с нами». И, взяв Пирата на поводок, скомандовал «га»*. Вначале шли по долине ключа, потом, свернув в боковой распадок, карабкались по косогору.

Чем дальше, тем круче становился склон, и все чаще приходилось, держась за стволы деревьев, подтягиваться на руках. В одной из лощин, закрытой со всех сторон, Лукса остановился.

— Передохнем? — спросил я. Тот вместо ответа показал на огромное дерево справа от нас и тихо сказал:

— Здесь.

Липа была старая, с раздвоенным стволом и темным зевом у развилки на высоте метров шесть.

Пират, почуяв запах зверя, вздыбил шерсть и взволнованно завертелся вокруг дерева, шумно вынюхивая, откуда сочится медвежий дух. Найдя самое тонкое место, он принялся грызть ствол, повизгивая от возбуждения.

Лукса скинул лыжи и подошел к нему. Прислушался. Внутри было тихо.

Я тем временем выбрал метрах в шести чистую площадку. Умял ногами снег, обломил закрывающие обзор ветки кустарников. Тот, кто бывал на медвежьей охоте, представляет, с какой тщательностью всё это выполнялось.

---

* Га (удэг.) – пошли.

Затем Лукса поручил мне держать под прицелом медвежий лаз, а сам достал топор и ударил несколько раз обухом по стволу. Стаи снежинок закружились в воздухе, мягко ложась на землю. В томительной тишине, казалось, был слышен шелест их падения. Лукса стукнул ещё раз, но косолапый или крепко спал, или затаился. У меня стали мерзнуть руки. Указательный палец не чуял спускового крючка. Нервный озноб усиливал ощущение холода.

Наблюдательный наставник подошел, чтобы дать мне возможность согреться и вместе обмозговать, как разбудить белогрудого.

— Будем стрелять по стволу. Заденем — вылезет, — решил он.

Поочередно всадили в дерево четыре пули, стреляя каждый раз всё ниже и ниже, но внутри по-прежнему было тихо. Теперь взял лаз под прицел Лукса, а я принялся рубить отверстие в тонком месте, подсказанном собакой.

Дерево не поддавалось, и когда я устал, Лукса сменил меня. Прорубив, наконец, маленькую дырочку, он припал к ней глазом. Через некоторое время обернулся ко мне, приложив обе руки к щеке. Всё понятно — спит лежебока. Я подошел и тоже заглянул в дупло. Густо пахнуло прелой древесиной. Когда глаз привык к темноте, разглядел внизу свернувшегося в гнезде медведя. Оказывается он лежал ниже, чем мы предполагали. Его черная шерсть чуть колыхалась, и мне даже почудилось, что я слышу сладкое посапывание.

Чтобы не портить медвежью квартиру, решили поднять мишу и стрелять на выходе. Лукса отломил длинную ветку и заостренным концом начал тыкать в податливую плоть. Медведь рявкнул и, видимо, схватил ветку лапой, так как она мгновенно исчезла в дупле. Потом гулко заворочался и стал карабкаться вверх по пористым стенкам древесной трубы. Из лаза показались когтистые лапы, оскаленная пасть.

Я поспешно выстрелил. Медведь взревел и, к нашему ужасу, медленно скрылся в утробе липы. Глухой увесистый удар подтвердил преждевременность моего выстрела.

Старый зверобой наградил меня свирепым взглядом и, срезав ветку потолще, потыкал медведя. Тот хрипел, но не реагировал на болезненные уколы. Нам не оставалось ничего другого, как добить его прямо в дупле. Суеверный Лукса сказал традиционное:

— Не сердись, Пудзя, состарился совсем медведь. Пошел в нижнее царство.

Вырубив топором дыру, вдвоем кое-как вытащили зверя. Когда рассматривали его в «глазок», Лукса определил: пестун. Мне же казалось, что перед нами чуть ли не медвежонок. Но мы оба ошиблись. «Медвежонок» оказался довольно крупным медведем килограммов на сто тридцать — сто сорок (гималайский медведь мельче бурого). В дупле, у самого дна, в мягкой трухе было глубокое комфортабельное ложе, оно-то и скрадывало истинные размеры зверя.

Не теряя времени, начали свежевать добычу. Шуба была шикарной. Иссиня-черная, с серебристым глянцем; основание шеи охвачено лентой в виде белоснежной чайки. Из-за этого пятна гималайского медведя часто величают белогрудым. На голове комично торчали большие округлые уши. Глядя на длинные, острые клыки, я невольно съежился, представив себя перед такой пастью. Верхний клык был наполовину сломан и, по всей видимости, давно — место слома уже отполировалось.

Шкуру снимали старательно, так как Лукса обещал после выделки подарить её мне.

Надо сказать, медведь нам достался знатный. На боках и ляжках слой сала в пол-ладони, на спине и лапах — в палец, внутренности же буквально залиты жиром.

- Запасливый лежебока, — радовался Лукса.

Закончив свежевать, разрубили тушу на части и забросали снегом. Лукса отложил свои любимые сердце и печень, а также солидный кусок мякоти и шкуру в сторону, чтобы взять с собой. Кроме того, он вырезал и целебный желчный пузырь, предварительно перетянув шейку веревочкой. Взглянув на

меня искоса, он вынул глаза медведя и, подойдя к дереву, положил их на толстый сук, навстречу первым лучам солнца.

— Пусть Пудзя видит, что мы соблюдаем все законы,— сказал охотник.

Пока разделывали добычу, двигались мало и основательно продрогли, к тому же нестерпимо хотелось пить. Я собрал сушняк и запалил костер. Повалил густой дым. Горячие языки пламени пробились сквозь него и с веселым потрескиванием побежали по веткам и, слившись в трепещущее полотнище, метнулись в холодную высь.

Старый охотник в своей котомке всегда носил двухлитровый котелок с мешочками сахара и чая. Я набил в него снега и подвесил на косо воткнутую палку. Лукса подложил ещё сучьев и, блаженно сощурив глаза, пододвинулся:

— Люблю огонь. Он живой. Рождается маленьким светлячком, а начнет есть дрова, вырастает в жаркое солнце. Обогреет, накормит человека и умрёт.

Действительно, огонь обладает необъяснимой притягательной силой. Когда глядишь на переменчивые язык пламени, то не в силах отвести взор от их завораживающей игры. В такие минуты отрешаешься от всего окружающего и словно попадаешь под гипноз невидимых сил. Недаром наши предки поклонялись огню.

— Костер обещает ясную погоду, — неожиданно изрек Лукса. Я с удивлением глянул на него.

— Чего глаза вывернул? Не на меня смотри, а на костёр, — довольный произведенным эффектом, проворчал охотник. — Видишь, по краю костра угли быстро покрываются пеплом — быть солнцу. Если тлеют долго — быть снегу.

Попив чаю, мы живо собрались и зашагали домой.

Добрались засветло и пировали до ночи. Лукса, забыв о болезни, отправлял в рот самые жирные куски. Когда ели наваристый бульон с сухарями, у меня во рту что-то хрустнуло. От неожиданности я охнул. Неужели зуб? Схватил зеркало — точно: передний зуб обломился.

— Отомстил миша, — со страхом прошептал Лукса.

— Миша тут ни при чем. Зуб был мертвый, просто время пришло — возразил я, хотя тоже невольно подумал о сломанном клыке медведя.

ТАЛА

Я не верю ни в приметы, ни тем более в вещие сны, но сегодня опять случилось настолько точное совпадение, что невольно начинаешь относиться ко всему этому серьезней. А приснилось мне, будто поймал двух соболей, причем второго — в последнем капкане в конце путика. На деле всё так и произошло. Первого снял в теснине между гор. Правда, если бы прошел хоть небольшой снежок, то я вряд ли разыскал бы его: от постоянных ветров в этом месте снег спрессовался, и соболь тащил капкан с потаском оставляя за собой едва заметные царапины. На мое счастье, потаск застрял в сплетении виноградных лоз и зверёк не смог уйти дальше.

Второй действительно оказался в последнем капкане под скалистой кручей.

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

— Настоящим охотником стал. Хороший охотник видит зверя сквозь сон, — и, задумчиво глядя в огненный зев печурки, продолжал: — Человека шибко трудно разглядеть, но на медвежьей охоте сразу видно, кто ты. Я всё думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошел. Боялся, опасность будет — оробеешь, подведешь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промышлять. Как лед унесет нартовый след, зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От этих слов у меня защемило сердце. Судорожный комок сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я с благодарностью пожал сухую, крепкую руку. Нахлынувшее чувство признательности искало выхода. Хотелось сделать что-то приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего

мне близким за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущенно протянул ему:

— Возьми.

Лукса обрадовался подарку как ребенок. — Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Да, мне здорово повезло с наставником. Впервые я по-настоящему осознал, как мне не хватало Луксы, в тот день, когда он вернулся из больницы. С ним было легко, как с очень близким человеком, с которым хочется идти бок о бок всю жизнь. Кроме того, общение с опытным охотником помогло мне многое переосмыслить. Я стал лучше понимать тайгу, повадки зверей, птиц, осознавать себя частицей этого великолепного цельного мира.

Через неделю заканчивается промысловый сезон. Покинут свои участки охотники, и на всем протяжении Хора, от истоков до удэгейского стойбища - Гвасюгов, река опустеет. А, кажется, совсем недавно я вынул из капкана своего первого соболя. Вот уж действительно — время на охоте течет медленно, только когда готовишь ужин.

На обрывистых южных берегах ключа снег начал подтаивать. А кое-где даже выросли робкие сосульки. В воздухе появился едва уловимый хвойный аромат. Тонконогий паук, обманутый теплом, вылез из своего убежища, и смело разгуливает по отмякшему покрову.

И эхо сегодня в сопках бесподобное. Особенно громко звучало оно в конце Глухого. В этом месте растет диковинное, искореженное временем дерево, внешне похожее на нечто среднее между елью и кедром. Называется оно тис, или «негной-дерево». Из-за обилия веток с плоскими хвоинками на нем в течение зимы всегда скапливаются горы снега, и, видимо, по этой причине верхушка у него обломана, а ствол расщеплен почти до основания. По этой причине дерево похоже на старый гриб с треснутой красноватой ножкой и толстой слоеной шляпкой — белой сверху, зеленой снизу.

Негной-дерево доживает до сказочного возраста в три-четыре тысячи лет. Растет оно очень медленно и набирает метр в обхвате, к исходу своего двадцатого века. Мой тис, судя по толщине ствола, был старцем ещё до образования Киевской Руси.

Тис — самое древнее, но, к сожалению, вымирающее дерево. Относится он к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на крупные ягодки рябины, тис ещё называют елью с красными ягодами. На своих путиках я встретил всего два таких дерева: здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а вот принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому.

С обхода пришел раньше обычного. Решил порыбачить под скалами напротив становища. Наскоро попив чаю, спустился на лед. Разгреб улами снег, и вскоре из-под лезвия топора полетели граненые, с хрустальным переливом осколки. Через десять минут лунка уже манила черным оком. Опустил в непроницаемую воду "краба" и, подергивая леску, склонился в ожидании. За полчаса ни одной поклевки. «Надо бы перейти на границу между спокойной водой залива и стремительным течением реки. Там должна быть рыба»,- заколебался я, как вдруг почувствовал резкий рывок.

Тотчас подсек и, перехватывая, потянул леску на себя. Она больно врезалась в пальцы. Рыба сопротивлялась отчаянно, но всё-таки это был не пудовый таймень, с которым мне довелось тягаться на Арму лет шесть назад. Вскоре крупный, упругий ленок, отливая пятнисто-коричневой чешуей, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил ещё двух. После этого — как обрезало, клев прекратился. Я закинул улов на лабаз промораживаться. Вечером Лукса приготовил отменную талу*. Тот, кто ел, подтвердит — в мире нет ничего вкуснее.

Приготовить её может каждый. Для этого необходимо только поймать ленка, а ещё лучше — тайменя. Слегка подморозить, отсечь голову и хвост. Вдоль спины и брюха надрезать шкуру и снять её. Затем от хребта отделить

* Тала – блюдо из сырого мяса ленка, тайменя.

мякоть и аккуратно настрогать тонкую янтарно - жемчужную лапшу. Посыпать её солью, перемещать и снова подморозить. Всё. Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я ещё не едал. Кладешь щепотку лапши на язык и во рту тает что-то божественное.

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Ночью прошел самый обильный за эту зиму снегопад. Тайга стала густой, как летом, только не зеленой, а белой. Ветви, придавленные тяжелой ношей, безвольно согнулись до самого низа.

Не напрасно все же я держал весь сезон несколько капканов на приманку. Сколько раз приходилось подправлять просевшие хатки, докладывать в них мяса. И вот их час пробил! Не хватает уже соболю мышей. Многочисленные в начале зимы, теперь они редко попадаются ему на обед. Опытный Лукса еще в ноябре говорил, что к концу зимы соболь все равно пойдет на приманку.

На Фартовом у меня стояло три хатки. В первой соболь, доставая мясо, как-то изловчился и переступил тарелочку. В другой, ещё до прихода соболя, в капкан попалась сойка. Соболь, не будь дураком, съел и её и приманку. Надеясь, что он вновь посетит это место, я положил свежий кусок кабанятины и перенасторожил ловушку.

Обойдя дальнюю часть путика, завернул на обратный ход и увидел на мертвой пороше свежайший след соболя, скрывавшийся в широком зеве распадка. «Попробую догнать», — загорелся я. След попетлял по склонам и привел... к хатке, оставленной мною три часа назад.

За небольшой отрезок времени здесь произошли большие перемены. В капкан опять угодила сойка, и два соболя, привлеченные криком, уже успели растерзать её и отдыхали теперь в снежных норах неподалеку. Я насторожил еще три ловушки с таким расчетом, что если в одну из них снова попадет

сойка, то оставшиеся не дадут соболям безнаказанно полакомится. Приманку затолкал в самый конец канала и плотно вдавил её в снег – чтобы соболь подольше в канале топтался и обязательно наступил на сторожок.

На подходе к лагерю меня догнал довольный Лукса — снял трех соболей и всех на приманку. Быстро он наверстывает упущенное за время болезни!

*

Сегодня планировал вернуться с охоты пораньше, чтобы просушить, вытряхнуть спальники и наколоть про запас дров, но соболь, неторопливо бежавший по снегу поперек ключа, спутал все карты.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался. Сколько ловкости, изящества в его движениях. Соболёк заметил меня и, почти не меняя темпа, пересек пойму и взобрался по обрывистому склону на уступ сопки. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но, увы... Подъем, который соболь взял легко и быстро, я месил минут пятнадцать, увязая в сыпучей, как грубо размолотая соль, снежной крупе. Когда, наконец, мучительное восхождение завершилось, передо мной открылась безрадостная картина — за пологим бугром , к которому вели парные следы, вздымалась новая стена.

Карабкаясь на нее под гулкие удары сердца, невольно вспомнил слова Луксы:

— Соболь от охотника вниз не идёт. Всегда вверх уходит.

Одолев подъем, побежал вдоль следа. Он вел вдоль широкой террасы и по расщелине спускался в соседнюю падь. Делал там длинную петлю и, опять вернувшись на террасу, так запетлял, что моего охотничьего опыта было явно не достаточно, чтобы расшифровать эти мудрёные письмена. Попробовал найти выходной след, но тщетно.

В сердцах плюнул и побрел к стану собольей стежкой, не обращая на неё поначалу особого внимания, но метров через двести она неожиданно оборвалась у березы. Меня это озадачило. Обошел вокруг — дальше никаких

следов. Зато между корней обнаружил хорошо обозначенный лаз. По обледенелому кольцу было видно, что им пользуются довольно часто.

Быстро сгущающаяся темнота не позволяла задерживаться надолго. Я быстро обтоптал снег у ствола и насторожил возле лаза две ловушки.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к березе. Торопился, хотя мало верил, что мой беглец попался.

Но соболь угодил в капкан сразу, как только попытался выйти из убежища. Мотнувшись в сторону, он попал второй лапой в другой. Этому трофею я радовался вдвойне, так как достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и тем самым утру нос охотоведу, не одобрившему решения директора о приеме на работу очкарика-горожанина.

В амбарчике, где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И все повторилось по старому сценарию, в последней сцене которого я опять остаюсь ни с чем.

Соболя уже нарыли вокруг жилых нор, а в стороне сделали небольшое углубление в снегу — уборную — и наверняка посмеиваются над бестолковым охотником, нагуливая жир на дармовом питании. Зло взяло. Сколько ж они будут дурачить меня. Выставил все что были с собой капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал каждую ловушку и свои следы. Времени-то осталось в обрез. Послезавтра на этом путике капканы уже нужно снимать.

Светового дня не хватает, несмотря на то, что он удлинился на два с лишним часа. Выхожу все раньше и раньше, а возвращаюсь в поздних сумерках. Если в начале сезона я ходил по пять-шесть часов и путики были длиной не более пятнадцати километров, то сейчас путики удлинились вдвое и снег месишь уже по десять-одиннадцать часов кряду.

Сегодняшнее утро подарило незабываемый восход, напоминающий извержение вулкана. Над темным конусом горы загорелось бордовое зарево, четко оконтуренное столбами бархатно-черных облаков. Имитация

извержения была настолько правдоподобной, что я даже невольно прислушался — не слышно ли гула?

Вчера разоружал Глухой, нынче очередь Крутого. Один из тех хитрых обжор, что столько дней безнаказанно пировали за мой счёт, все же попался. Второй оказался мудрей и вовремя покинул опасную зону, где каждый день лязгает железо.

Возле берлоги забрал остатки мяса. Лукса большую часть за эти дни уже перенес к палатке. Прорубленное в лесной квартире отверстие охотник по-хозяйски заделал двумя слоями коры, плотно прибив её к стволу деревянными клинышками: бережет берлоги на своем участке.

Почерк бега соболей изменился. Заметно, что они возбуждены, проявляют повышенную активность. Следы появились даже в таких местах, где им и делать вроде бы нечего. И бегают в основном парами и все больше прямо, ни на что не отвлекаясь. Лукса говорит, что это ложный гон начался. Настоящий же гон бывает в июле, а поскольку беременность у соболюшек длится около двухсот восьмидесяти дней, потомство появляется как положено — весной.

ПРОЩАНИЕ

Четыре месяца пролетели незаметно. Завтра выходим. Уже предвкушаем жаркую баню с душистым березовым веником, просторную светлую избу, чистые мягкие постели. Всё же некоторые бытовые неудобства палаточной жизни, накапливаясь, с течением времени дают о себе знать. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нем можно выпрямиться во весь рост.

Впервые собрался на охоту раньше Луксы. Над промерзшими вершинами хребта едва затлел рассвет, а я уже стоял на лыжах. Путик решил пройти обратным ходом: с утра по пойме, а потом уж по горам. Дело в том, что к полудню снег в низине начинает таять и липнуть к камусу тяжелым бугристым слоем, сильно мешающим ходьбе.

У протоки открылась радующая взор промысловика картина. По кругу капли крови и мелкие следочками норки. А у ближнего края изо льда торчит

пружина. Ну, думаю, подфартило напоследок. Ножом аккуратно обрубил лед, потянул на себя цепочку. Капкан пошел неожиданно легко и, о ужас! Между дужек торчали только коготки. Ушла!! Я совершил ошибку, прикрутив два капкана к общему потаску. Такое рационализаторство вышло боком: когда норка сдернула его, второй капкан сработал вхолостую. Проклиная свою «изобретательность», торопливо рванул прямо в лоб на перевал к верхним ловушкам - лелеял надежду, что хотя бы там фортуна улыбнется. Но, увы...

Поначалу все эти неудачи расстраивали меня. Но с каждым шагом в душе неизвестно от чего пробуждалось и нарастало ощущение той богатырской силы, от которой, как во сне, всё легко и просто. И оттого, что скоро домой не с пустыми руками, а с завидной добычей, что так весело и щедро смеется солнце, сияет, искрится снег, настроение стремительно улучшалось.

Сердце наполнило невыразимое ликование, рвавшееся из груди. Чтобы дать выход переполнявшему меня восторгу, я завопил старинный марш «Прощание славянки». Теперь можно было не бояться, что обитатели Буге, не выдержав моего хрипловатого голоса, в панике разбегутся.

Эта красивая и жизнеутверждающая мелодия очень точно отражала мое состояние. Мной овладело редкое, незабываемое ощущение счастья, неописуемого упоения и любви к этому светлому, щедрому миру тайги. Казалось, что и она, отвечает взаимностью, восторгаясь и ликуя вместе со мной.

Вечер посвятили упаковке снаряжения и добытой за четыре месяца «мягкой рухляди». Палатку, печку, капканы мы решили оставить здесь до мая, так как Лукса собирался ставить зимовье сразу после ледохода, когда сюда можно будет подняться на моторной лодке.

Почаевничав, разлеглись на шкурах и долго обсуждали результаты сезона, строили планы на будущее. От мысли, что завтра покидать этот обжитой, исхоженный вдоль и поперек щедрый Буге, милые, ставшие родными, сопки — защемило сердце. Долгих восемь месяцев – до открытия

следующего промыслового сезона, не будет у нас чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, задушевных бесед, блаженного чувства усталости от настоящей, самой древней, мужской работы.

Засветло уложили рюкзаки, погрузили на нарты таёжный скарб, мешки с пушниной, провиант в дорогу. Последний раз позавтракали, похлебали чай из лозы дальневосточного лимонника.. Впрягли Пирата, окинули прощальным взглядом гостеприимный стан и, отсалютовав из ружей, тронулись в путь.

В памяти невольно всплыли строки из Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать...

. . . . . .

И где бы не лежал мой путь,

Я знаю, что вернусь к тебе обратно.

Проходя мимо «святой семейки» - деревянных идолов, Лукса остановился:

— Спасибо Пудзя! Мы плохие охотники, но ты много соболей дал.— И, почтительно приложив руку к сердцу, пошел дальше. Я, на всякий случай, проделал тоже самое. За время охоты у меня невольно выработалась привычка не нарушать местных языческих обрядов.

Бесспорно, успех определяется знанием и упорством, но нередко и умудренный опытом промысловик все же терпит неудачу и в поисках её причин он готов поверить в приметы и предзнаменования. Хотя иногда всё дело в слепом случае, который может существенно повлиять на исход охоты, как новичка, так и бывалого охотника. Возможно, я не прав и все гораздо сложнее...

Невзлюбившая нас погода усердно пакостила и в этот день. Едва успели выйти на Хор, как повалил сырой снег. Вскоре мы стали похожи на мокрых куриц. Теплый южный ветер склеивал снежинки в тяжелую влажную массу, прилипавшую к лыжам и нартам увесистыми комьями. Правда, когда камус

промок насквозь, снег липнуть перестал, но от “выпитой” влаги лыжи превратились в неподъемные гири .

До Джанго добрались сравнительно быстро, но, дальше пошли свежие наледи. Пробираясь через покрывавшую их ледяную кашу, потратили много сил и, когда они кончились, идти с прежней скоростью уже не могли.

Лукса, привычный к таким переходам, время от времени подбадривал меня, но я постепенно отключался. Горячий, соленый пот заливал глаза, стекал струйками по лицу, спине. Я шел как автомат, бездумно, в каком-то полусне, не представляя ни сколько сейчас времени, ни где мы находимся. Я не заметил, как день посерел и умер, уступив место ночи. В голове назойливо крутились обрывки одних и тех же мыслей, среди которых чаще всего повторялась одна — «Идти, идти. Надо идти...»

Казалось, что этому кошмару не будет конца. Тем временем, южный ветер как-то незаметно сменился на западный. Начало подмораживать.

Из мокрых куриц мы стали превращаться в рыцарей, закованных в ледяные доспехи. Каждое движение теперь требовало дополнительных усилий. Только тут я по болезненным прострелам в пальцах, сообразил, что где-то на привале оставил рукавицы. В довершение ко всему, на правой лыжине порвалось крепление. Надо было заменить ремешок на новый, я присел на нарты. От усталости мной овладело полное безразличие. 0! Какое это было блаженство — сидеть, засунув руки в карманы, и не шевелиться. Мысли смешались, закружились быстрей, быстрей...

Луксе понадобилось немало времени, чтобы привести меня в чувство. Крепление уже было отремонтировано. На руках его запасные верхонки. Я встал и, пошатываясь, побрел за старым промысловиком. Как добрались до стойбища - не помню. Очнулся лишь, услышав дружный лай гвасюгинских собак. К дому Луксы подошли (про меня правильнее будет сказать: приполз) в четвёртом часу ночи.

Мне едва хватило сил раздеться и упасть в приготовленную постель.

Когда открыл глаза, долго не мог сообразить, где же я нахожусь? Откуда это непривычное тепло, тихая музыка, простенький коврик на стене перед лицом? Повернувшись, наконец, дошло - я в Гвасюгах, в доме Луксы! Что не надо больше заботиться о дровах, ставить на морозе капканы, ходить по целине, карабкаться сквозь бурелом в горы.

Сладко потянувшись, я уткнулся в подушку и опять забылся глубоким, безмятежным сном младенца.

г. Уфа